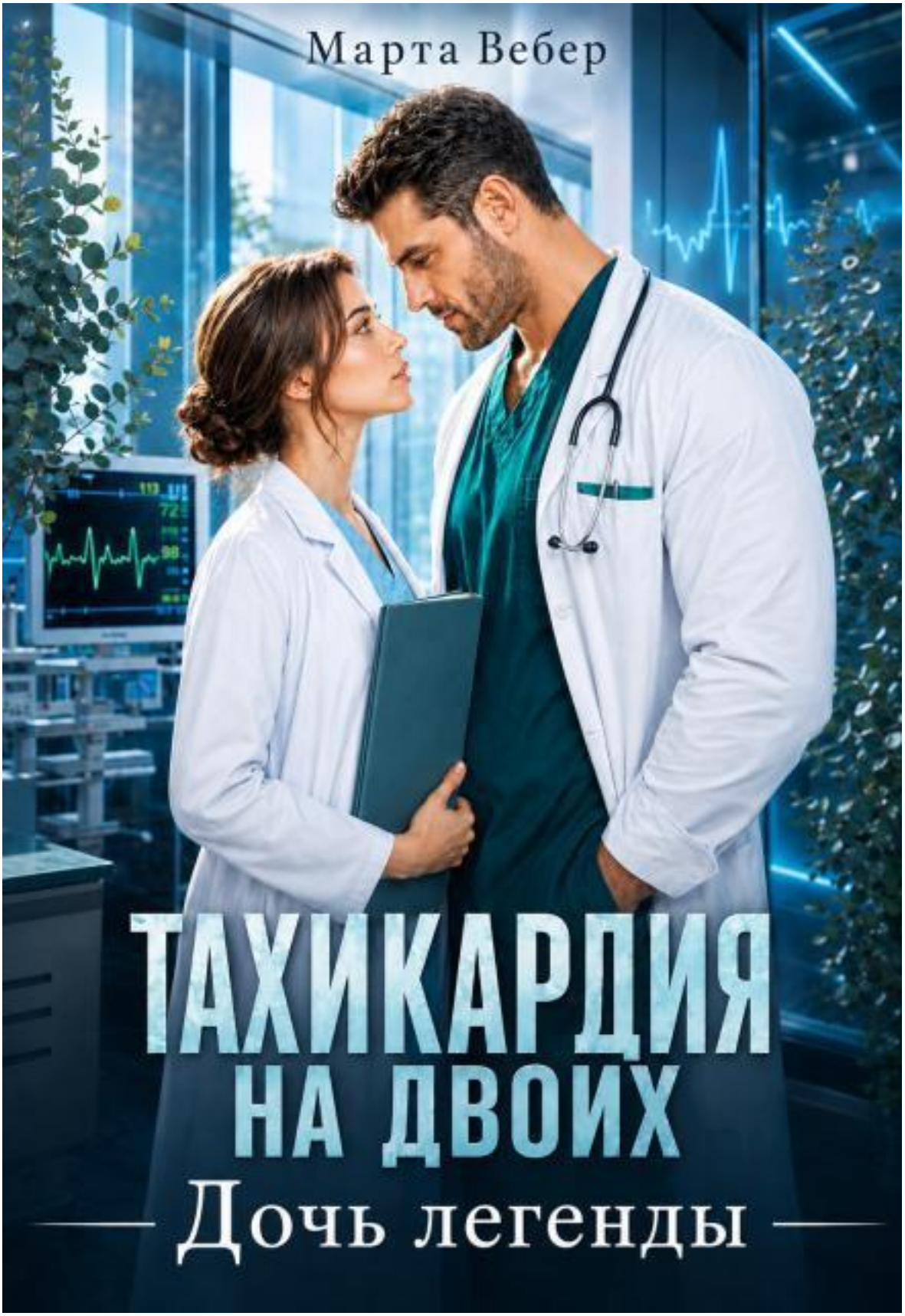

Марта Вебер
ТАХИКАРДИЯ
НА ДВОИХ
Дочь легенды

Марта Вебер

Тахикардия на двоих. Дочь легенды

«Литнет»
2026

Вебер М.

Тахикардия на двоих. Дочь легенды / М. Вебер — «Литнет», 2026

— У вас пульс учащён, Ветлугина. — Я только что поднялась на шестой этаж. — На лифте.Ах так? Я схватила Белова за запястье и тоже начала считать удары.— А у вас тогда почему зашкаливает?Белов медленно опустил взгляд на мою руку.— Уберите руку, Таисия. — Похоже, у нас тахикардия на двоих, Константин Львович.Я — ординатор и дочь легендарного кардиохирурга. Он — мой куратор, заведующий отделением кардиохирургии и лучший ученик моего отца.Мне нельзя влюбляться в мужчину, от которого зависит моё профессиональное будущее. Ему — забывать, что я его ординатор и дочь человека, которому он обязан карьерой.Мы оба знаем, почему нам нельзя переходить черту.Да. Мы оба знаем…Книга выходит в рамках литмоба "Формула настоящего мужчины":

© Вебер М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

1 глава. Звонок 5
2 глава. Дочь легенды 8
Визуализация 11
3 глава. Планёрка 18
4 глава. Что ты наделал? 21
5 глава. Первая проверка 24
6 глава. Просто ради интереса 27
7 глава. Уже не случайно 31
8 глава. Не по пути 34
9 глава. Когда страшно 38
10 глава. Дома никто не ждёт. 41
11 глава. Бар 44
12 глава. После бара 47
13 глава. Званый ужин 49
14 глава. Коньяк, балкон и чашка чая 52
15 глава. Нужно отвлечься 55
16 глава. Кофе с другим 57
17 глава. Спас голодающего ординатора 60
18 глава. Причина 65
19 глава. Не смейте молчать 68
20 глава. Печатает... 73
21 глава. Не стоило 77
22 глава. Не выдержал 80
23 глава. Сутки 83
24 глава. Пока все спят 85
25 глава. Не время и не место 87
Конец ознакомительного фрагмента. 88

1 глава. Звонок

Я терпеть не мог, когда телефон звонил после десяти вечера.

Это почти всегда означало одно из двух: либо в отделении что-то пошло не так, либо звонил кто-то, кому я не мог не ответить. И то и другое не предвещало ничего хорошего.

За окнами давно стемнело, в начале одиннадцатого я всё ещё сидел в своём кабинете на шестом этаже кардиохирургического корпуса.

Октябрь в этом году выдался промозглым, с бесконечной мелкой изморосью, и мысль о том, чтобы в такую погоду пилить домой, чтобы поспать там несколько часов, и снова возвращаться на работу, заставляла морщиться.

В кабинете горела только настольная лампа, выхватывая из полумрака стопку историй болезни, остывший кофе в бумажном стаканчике, который я купил пару часов назад в автомате, и мои руки с коротко остриженными ногтями.

Телефон завибрировал, заёрзав по столу. Я бросил взгляд на экран, и замер.

Ветлугин А. С.

Я не видел этого имени на своём телефоне года три. А скорее всего, и больше. Время летело незаметно, особенно когда жил от операции до операции.

- Андрей Сергеевич, - сказал я, и голос прозвучал намного бодрее, чем я себя чувствовал. Но перед таким человеком ты всегда будто немного хорохорился. - Добрый вечер.

- Здравствуй, Костя.

Голос у Ветлугина был уже не тот. Шестьдесят лет не возраст, конечно, но болезнь давала о себе знать, та самая, из-за которой легендарный, без преувеличения, кардиохирург ушёл из операционной десять лет назад.

Однако, интонации остались прежними, так говорили люди, которые привыкли, что каждое их слово имело значение.

- Не разбудил? Знаю, ты полуночник.

- Не разбудили, конечно, я ещё на работе.

- Всё так же, - в голосе Ветлугина слышалась улыбка вперемешку с гордостью. - Помню, ты и в ординатуре последним уходил.

Я ничего не ответил, я ждал. Андрей Сергеевич Ветлугин не стал бы звонить просто так, чтобы поностальгировать. Этот человек никогда ничего не делал без причины.

- Костя, у меня к тебе дело, - сказал он после паузы. - Личное.

Я чуть крепче сжал телефон. За почти пятнадцать лет знакомства наставник ни разу не просил меня о личном. Рекомендации, советы, даже вмешательство в сложные случаи – да, но «личное дело» - никогда. А я, надо сказать, многим в карьере был ему обязан.

- Я слушаю, Андрей Сергеевич.

- Моя дочь, Таисия. Ты её помнишь?

Я нахмурился, пытаясь выудить из памяти хоть что-то. Имя было знакомым, конечно, Ветлугин иногда упоминал дочь в разговорах, когда мы ещё работали вместе. Кажется, я видел её однажды: мелкая девчонка с косичками, которую привели в отделение на какой-то праздник. Ей было лет девять или десять, а может и меньше.

Сколько ей сейчас, интересно, лет пятнадцать?

- Смутно, - признался я. - Очень давно видел.

- Ей сейчас двадцать три, и она окончила мед в этом году. Поступила в ординатуру.

Я чуть не присвистнул. Дочь Ветлугина, значит, захотела пойти по стопам великого, без лишней скромности, отца в медицину...

Андрей Сергеевич всегда говорил, что не хотел этого для своих детей. Слишком тяжело, слишком много «жертв».

«Пусть лучше музыкантами будут, - говорил он когда-то. - Или юристами, да кем угодно, лишь бы не в операционную».

- Вы, кажется, были против, - осторожно заметил я.

- Был, но ты же знаешь молодёжь: чем сильнее запрещаешь, тем упорнее лезут. Уперлась, и всё. И что мне оставалось?

Я молчал, уже понимая, к чему шёл разговор, и чувствуя, как внутри поднималось глухое сопротивление.

- Костя, я к чему звоню вообще, не буду тянуть кота за яйца, её распределили к тебе в отделение, - сказал Ветлугин. – И я очень прошу тебя взять её под личное кураторство.

В нашем разговоре возникла пауза.

Я откинулся в кресле, потёр переносицу двумя пальцами - привычный жест, который появлялся у меня в моменты сильного внутреннего напряжения.

Личное кураторство… Я не брал ординаторов лично уже… сколько? Лет шесть, не меньше, с тех пор как стал заведующим. Новые потоки ординаторов в моём отделении были каждый год, но ими занимались мои врачи. Мне хватало операций, административной работы, летучек с главврачом и бесконечных отчётов.

Ординаторы - это песок в механизме, мешающий работать, который нужно тащить, учить, переделывать за ними. Я давно решил: пусть этим занимаются те, у кого есть на это время и терпение. У меня не было ни того ни другого.

А теперь дочь Ветлугина…

- Андрей Сергеевич, я не занимаюсь ординаторами уже много лет, - сказал я ровно. - У меня нет на это времени.

- Я знаю. Поэтому и прошу лично.

Он сделал паузу, и в этой паузе я слышал всё, что мы оба помнили и понимали.

Пятнадцать лет назад я - двадцатидвухлетний ординатор, которого Ветлугин взял под личное кураторство. Он учил меня всему: как держать скальпель, как разговаривать с родственниками пациентов, как не сгореть на работе и не потерять себя. А потом, когда ординатура закончилась, он позвонил тогдашнему заведующему этого самого отделения, где я сейчас находился, своему старому другу, и сказал: «У меня есть парень, Белов Костя. Возьми его, не пожалеешь». По сути, вся моя карьера, от первого шва и до должности заведующего, держалась на том, что когда-то Ветлугин в меня поверил.

И как я теперь мог ему отказать, если до этого он ни о чём не просил?

- Я не прошу тебя делать ей поблажки, - продолжил он. – Наоборот, гоняй её как следует. Если она решила идти по этой дороге, пусть знает, что это такое. Я просто хочу, чтобы рядом с ней был человек, которому я доверяю.

Последняя фраза ударила под дых.

Человек, которому я доверяю.

После всего, что он для меня сделал, после того как его протекция дала мне место, из которого выросло всё, что я имел сейчас, это доверие было не вопросом, это был долг. А долг, как известно, был красен платежом.

- Хорошо, - сказал я тихо. - Я возьму её.

- Спасибо, Костя.

- Но вы должны понимать, - добавил я, - поблажек правда не будет. Если она не потянет - я скажу вам об этом прямо. И если она пришла в хирургию только потому, что она Ветлугина, это будет понятно по первой неделе.

В трубке раздался короткий смешок.

- Я бы обиделся, если бы ты сказал иначе.

Мы проговорили ещё несколько минут: о его здоровье, о новостях кафедры, о том, кто из старых коллег где сейчас, но я уже слушал вполуха. Мысли крутились вокруг одного: завтра в моём отделении появится Таисия Ветлугина.

Когда звонок завершился, я ещё долго сидел, глядя в тёмное окно.

Дочь легенды. Девчонка, которую я помнил мелкой пигалицей с бантами. Что из неё выросло за эти годы?

Если её дотащили до диплома благодаря папиной фамилии и связям - это будет худший ординатор в моей практике. Избалованная, уверенная, что фамилия всё спишет. Такие не задерживались в хирургии. Такие ломались в первый же месяц, когда понимали, что здесь никого не волнует, чья ты дочь.

А если нет? Если она действительно Ветлугина по сути, а не только по принадлежности к семье?

Я открыл рабочий планшет, список ординаторов мне скинули ещё в пятницу, но я даже не открывал файл - некогда было. Теперь пролистнул страницы, нашёл нужную вкладку.

В самом низу списка, под девятью другими фамилиями: «Ветлугина Таисия Андреевна, двадцать три года».

В кабинете было тихо, только дождь барабанил по стеклу.

Какой же ты выросла, Тася Ветлугина? И сколько проблем ты мне доставишь, пока я *«возвращаю твоему отцу свой долг»*?

Завтра я это выясню.

2 глава. Дочь легенды

Таисия

Я не спала почти всю ночь.

Лежала с открытыми глазами, смотрела в потолок и мысленно повторяла одно и то же: «Здравствуйте, я Таисия Андреевна Ветлугина, ординатор первого года». Вроде бы простая фраза, а в рот словно ваты напихали и язык совсем не ворочался, когда я пыталась её произнести.

Дело было не в страхе перед новой работой, дело было в фамилии.

Ветлугина.

Стоило её произнести, и на лице собеседника всегда появлялось одно и то же выражение: сначала узнавание, потом интерес, а потом этот вопрос в глазах: «Та самая? Дочь того самого?»

Всю жизнь я была «дочерью Андрея Сергеевича». Сначала - «дочка Ветлугина, такая милашка», потом - «Ветлугина-младшая, ну у неё же папа…». Никто никогда не пытался на самом деле разобраться кто была Я, ТАСЯ, никто не спрашивал, чего хочу я сама. Все и так знали: если Ветлугина - значит, в медицину, по стопам отца, значит, всё уже решено.

А знаете, что самое смешное? Я действительно хотела в медицину, по-настоящему, не из-за папы. Но доказать это окружающим было невозможно.

Любой мой успех списывали на фамилию, любую пятёрку - на «связи отца». Я зубрила ночами, дежурила сверх нормы, сдавала всё с первого раза, а за спиной всё равно шептались: «Ну а чего ты хотела, с таким-то папой, как иначе».

Именно поэтому, когда пришло распределение в ординатуре, я попросила отца не вмешиваться в этот этап моей жизни, совсем.

Я должна была пройти его сама.

В семь утра я уже стояла на кухне, пытаясь впихнуть в себя завтрак, который совершенно не лез. На плите тихо посвистывал чайник, за окном моросило, октябрь в этом году словно забыл, что можно было быть и сухим.

- Не спится?

Я обернулась, в дверях кухни стоял отец: в домашнем свитере, с палочкой, на которую он опирался всё чаще, хотя старался делать это максимально незаметно.

Ему было шестьдесят, но болезнь состарила его раньше времени. Глядя на него сейчас: худого, с седыми висками, глубокими морщинами и этой чёртовой палочкой, трудно было поверить, что когда-то его руки спасали по нескольку жизней в день.

- Нормально, пап. Волнуюсь немного.

- Это правильно, - он медленно опустился на стул. - Если не волнуешься перед первым днём, значит, тебе всё равно. А тебе не может быть всё равно.

Я промолчала, размешивая сахар в чашке. Он смотрел на меня тем самым взглядом, который я знала с детства: спокойным, изучающим, и словно слегка грустным, как будто в эти минуты ему приходила в голову мысль о том, как быстро растут дети.

- Тася, - начал он, - я знаю, ты просила не вмешиваться…

Я резко обернулась.

- Пап, даже не начинай, я сама, сказала же...

Он поднял руки в примирительном жесте, чуть медленнее, чем раньше.

- Я и не начинаю, просто хотел сказать: будь собой. И не вздумай смущаться из-за того, что ты моя дочь, и кто-то что-то скажет. Ты – Ветлугина, и это не ярлык, а характер.

«Это не ярлык, а характер», - повторила я про себя уже в маршрутке, прижавшись лбом к холодному стеклу. За окном проплывали мокрые улицы, серые дома, спешащие под зонтами люди.

Кто-нибудь в новом отделении обязательно узнает. Кто-нибудь обязательно спросит: «А вы случайно не дочь Ветлугина?» Или не спросит, а просто посмотрит и всё поймёт по фамилии на бейджике. И тогда начнётся то же самое, что было всегда.

Я сжала кулаки на коленях. Нет, в этот раз всё будет иначе, в этот раз я докажу… Пусть только дадут шанс.

Федеральный центр кардиохирургии выглядел так, как и должен выглядеть: огромный корпус, к которому вела широкая аллея, и вечная очередь из машин скорой помощи у отдельного въезда.

Я стояла перед главным входом, задрав голову, и чувствовала себя маленькой-маленькой. Просто девчонкой с дипломом в сумке, а не той, кто, по сути, почти уже был настоящим врачом.

- Вы ординатор? - окликнула меня женщина на проходной.

- Да, простите, - выскочила я из своих размышлений, поспешив к ней, - Ветлугина Таисия Андреевна.

Женщина сверилась со списком, и на её лице мелькнуло то самое выражение: узнавание.

- Ветлугина… - протянула она с улыбкой. - Не родственница Андрея Сергеевича, случайно?

Я тоже натянула улыбку:

- Дочь.

- Надо же… - она покачала головой, но ничего больше не добавила. Просто выдала пропуск и показала, куда идти.

Пока я шла по длинному коридору, внутри разрасталось знакомое чувство: на меня все пялились. Или мне это только казалось? Каждая медсестра, каждый врач, мимо которых я проходила, будто задерживали взгляд на секунду дольше, чем нужно.

Они знали, все уже знали.

Я одёрнула себя словами отца: Прекрати, никто на тебя не смотрит, кому ты нужна, у всех полно своих дел.

Кабинет заведующего отделением кардиохирургии находился на шестом этаже, в самом конце коридора, за дверью с табличкой: «Белов Константин Львович».

Я задержалась у двери, переводя дыхание.

Про Белова я слышала. Ещё в институте о нём ходили легенды и как о хирурге, и как о человеке. Говорили, что он молодой для своей должности, что в операционной он гений, а вне её - ледяная глыба. А ещё слышала, что его прозвали «Снежным» за глаза из-за фамилии ну и из-за характера.

И вот я стояла под его дверью. Сердце колотилось где-то в горле, я поправила хвост, одёрнула халат, мысленно повторила заготовленную фразу и подняла руку, чтобы постучать, но дверь распахнулась сама, раньше, чем я успела.

На пороге стоял мужчина, на вид лет тридцати пяти.

Первое, что бросилось в глаза, то, что он был высоким, очень высоким. В идеально отглаженном белом халате поверх тёмной рубашки, с планшетом в одной руке. Короткие тёмные волосы, едва тронутые первой сединой на висках, резкие черты лица и глаза: холодные, серые, как небо за окном, которые смотрели на меня так, будто уже знали обо мне всё, и будто уже были во мне разочарованы.

- Ветлугина? - спросил он вместо приветствия.

Голос у него был низкий, ровный.

- Д-да. Таисия Андреевна, - выдохнула я. - Ординатор первого года.

Он смерил меня взглядом сверху вниз, медленно, без единой эмоции на лице.

- Опаздываете на три минуты, Ветлугина, - сказал он. - В этом отделении пунктуальность - не пожелание, а требование. Запомните это, чтобы мне не пришлось повторять.

И, не дожидаясь ответа, развернулся и пошёл по коридору, бросив через плечо:

- За мной. Планёрка начнётся через десять минут, распределение ординаторов будет на ней. Опоздаете и туда – можете сразу писать заявление на перевод куда-нибудь.

Я так и осталась стоять с открытым ртом. Вот он какой, Константин Львович Белов. Снежный.

И, знаете что? Впервые за всё утро мне вдруг стало спокойно. Потому что он не спросил, дочь ли я того самого Ветлугина. Ему, похоже, было всё равно, чья я. Для него я была просто «Ветлугина, ординатор первого года», опоздавшая на три минуты.

И это было ровно то, чего я хотела больше всего на свете. Равных условий.

Я поправила халат и почти побежала следом.

Визуализация

Дорогие читатели!

Чуть ближе познакомимся с нашими основными героями)

Белов Константин Львович, 36 лет (скоро уже 37), заведующий отделением кардиохирургии.

Его прозвали "Снежный" во-первых за фамилию, во-вторых за довольно строгий характер.

Но я бы сказала, что Константин строгий, но справедливый.

Ветлугина Таисия Андреевна, 23 года.

Выпускниза медицинского ВУЗА и ныне ординатор первого года

Ну и, познакомимся с Тасиным отцом)
Ветлугин Андрей Сергеевич, 60 лет, легендарный кардиохирург.

В возрасте 50 лет пришлось оставить операции из-за болезни, но он продолжает консультировать, в основном врачей, и преподаёт периодически в университете.

Как вам наши герои?

3 глава. Планёрка

Константин

Спал я отвратительно.

Всю ночь ворочался, вставал, пил воду, снова ложился. В голове крутился голос Ветлугина, его паузы, и эта чертова доверительная интонация, против которой у меня не было ни одного аргумента.

Долг, я был ему должен. И теперь этот долг стоял у меня перед глазами в виде двадцатитрёхлетней девицы, почему-то с косичками в моём воображении, точно такой же, как я её когда-то видел на празднике в отделении.

На работу приехал раньше обычного, даже охранник на проходной удивлённо вскинул брови: «Константин Львович, вы сегодня рано». Я лишь коротко кивнул и прошёл в свой кабинет, где привычно включил настольную лампу. Небо с самого утра было серым, и как будто весь день обещал быть сумеречным.

Взяв планшет, зачем-то снова открыл список ординаторов: «Ветлугина Таисия Андреевна, двадцать три года».

Я смотрел на эту строчку и пытался представить, кого увижу сегодня. Избалованную дочку, девицу, уверенную, что фамилия всё спишет и начнёт работать за неё сама?

Хотелось бы ошибиться, конечно, очень хотелось бы.

Но тридцать шесть лет жизни и шесть лет в должности заведующего научили меня одному: чудеса случались редко, и уж если случались, то не там, где ждёшь.

Та, встречи с которой я и ждал, и не ждал одновременно, едва не влетела в меня, когда я открывал дверь кабинета.

Я выходил, а она уже стояла под дверью с поднятой рукой, так и замерла, не успев постучать. Растерянная, с пылающими щеками, в халате, из-под которого выглядывал аккуратный воротничок.

- Ветлугина? - спросил я, хотя и так знал ответ.

- Д-да. Таисия Андреевна. Ординатор первого года.

Я смерил её взглядом. Нет, ту пигалицу с бантами в девушке узнать было сложно. Она определенно выросла, но вот по взгляду ещё читалось то, насколько была юна и неопытна. А ещё, невообразимым образом смогла взять в свою внешность что-то и от мамы, и от отца, я прямо видел в ней их лица.

- Опаздываете на три минуты, Ветлугина, - сказал я ровно. - В этом отделении пунктуальность - не пожелание, а требование. Запомните это, чтобы мне не пришлось повторять.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, наверняка оправдаться, но я не дал ей такой возможности. Развернулся и пошёл по коридору, бросив через плечо:

- За мной. Планёрка начнётся через десять минут, распределение ординаторов будет на ней. Опоздаете и туда - можете сразу писать заявление на перевод.

Краем уха уловил её быстрые шаги за спиной. Торопилась следом, уже хорошо…

В конференц-зале уже собирались люди.

За длинным столом рассаживались врачи, те, кто не на операциях. Кто-то листал истории болезни, кто-то вполголоса обсуждал вчерашние случаи. У дальней стены жались ординаторы: десять человек, свежие, испуганные, все как один в халатах, и с блокнотами наготове.

И только Ветлугина к моему кабинету пришла, хотя я на проходной просил предупреждать ординаторов, чтобы шли сюда. Хотела сразу «в дамки» попасть, пообщавшись со мной первой лично?

Я обвёл ординаторов взглядом, отмечая, кто как держится. Кто-то прятал глаза, кто-то слишком старался выглядеть уверенным, кто-то, наоборот, уже сник.

Ветлугина проскользнула к остальным и встала в самом конце ряда. Я ждал, что она начнёт шептаться с однокурсниками или поправлять халат, выдавая волнение, но нет. Прямая спина, подбородок чуть вздёрнут… Волнуется, но не показывает.

Это хорошо. Наверное, было в ней от отца: умение держать лицо, даже когда всё шло не так как надо. Для врача часто это было важно, чтобы не распространять панику вокруг.

Я зацепился за это её упрямое спокойствие взглядом и поймал себя на мысли о том, что всё-таки она была не так и наивна, какой казалась на первый взгляд.

Наконец, я начал планёрку, или утреннюю конференцию, кто как называл. Всё шло своим чередом: вчерашние операции, сегодняшние, состояние тяжёлых, переносы, некоторые нюансы. Ординаторы слушали, раскрыв рты, и только Тася умудрялась ещё и записывать. Я отметил это про себя, но виду не подал.

Когда дошли до распределения, я проговорил кураторов по списку: Крылов - к Соболеву, Никитина - к Иванниковой, ещё несколько фамилий - к своим врачам. Ординаторы кивали, стараясь запомнить, к кому подойти.

Осталась она. Я выдержал короткую паузу, в зале стало очень тихо, словно все чувствовали, что я собирался сказать что-то важное.

- Ветлугина, - сказал я ровно. - Под моё личное кураторство.

Краем глаза я видел, как переглянулись мои врачи. Кто-то приподнял бровь, кто-то замер с ручкой в воздухе. И их можно было понять: шесть лет я не брал никого лично, это знали все. И все теперь задавались одним и тем же вопросом.

С чего вдруг?

Я чувствовал, как по залу пронёсся этот немой вопрос, но смотреть по сторонам не стал, вместо этого посмотрел на Тасю.

Она не улыбнулась, не расплылась в благодарности, даже не кивнула, а ведь вообще-то, находиться под кураторством заведующего отделением было очень престижно. Но нет, она просто смотрела на меня во все глаза, и в этих глазах я читал чистое, ничем не замутнённое недоумение.

Таисия

Я не поверила своим ушам.

Сидела с блокнотом, в который собиралась вписать имя куратора, но не вписала ни буквы, и смотрела на Белова, ожидая, что сейчас он скажет: «Это была шутка» или «Ошибка, Ветлугина тоже к Иванниковой», но он молчал. Просто перешёл к следующему пункту повестки.

Личное кураторство у самого заведующего.

С одной стороны, это был шанс, тот самый, о котором я мечтала, лёжа ночами без сна. Попасть к хорошему кардиохирургу, учиться у лучшего, доказать, что я чего-то стоила.

С другой… почему он? Почему я? Я не была лучшей на потоке, не была худшей. Я была просто Тасей Ветлугиной, и… стоило моей фамилии всплыть в голове, как внутри всё похолодело.

Планёрка закончилась, ординаторы начали расходиться, подходя к своим кураторам. Я поднялась, и тоже пошла к выходу, где притормозил Белов, и тут же услышала за спиной негромкий голос. Кто-то из медсестёр, кажется, стоял у двери и не видел меня:

- Это которая Ветлугина? Та, которую Снежный сам взял?

- Ага, - отозвался второй голос, - Странно, конечно. Он сто лет никого лично не брал, с тех пор как заведующим стал - вообще никого.

- Ну так фамилия-то у неё какая, - хмыкнула медсестра. - Ветлугина. Небось папочка постарался.

У меня оборвалось всё внутри. Я стояла, не в силах пошевелиться, и чувствовала, как к лицу приливает кровь. *Папочка постарался.*

Нет. Нет, он не мог. Я же просила! Я же тысячу раз просила не вмешиваться.

Но чем дольше я стояла в «очереди», чтобы подойти к заведующему, которого облепили врачи, тем отчётливее складывалась картинка. Заведующий отделением, который несколько лет не брал никого под личное кураторство, и вдруг берёт именно меня, Ветлугину.

И ведь отец сам рассказывал мне про Константина Львовича, что он его знал, более того, гордился его успехами…

Я вылетела из конференц-зала, не глядя по сторонам, прошла по коридору, свернула в туалет на этаже и заперлась в кабинке.

Обида была такая, что перехватывало дыхание.

Не злость даже, а именно обида. Потому что это был мой отец, который смотрел мне в глаза сегодня утром и говорил: «Будь собой, не смущайся из-за того, что ты моя дочь». А сам, оказывается, уже позвонил, уже договорился, уже решил за меня.

Я достала телефон и набрала его номер. Долгие гудки.

- Тася? - голос отца был спокойным, почти тёплым. - Ну как ты там? Я как раз…

- Папа, - перебила я, и голос сорвался. - Что ты наделал?

4 глава. Что ты наделал?

Таисия

- Что именно? - слишком спокойно спросил отец.

- Не делай вид, что не понимаешь. Ты звонил Белову?

В соседней кабинке что-то зашуршало. Отлично. Семейную драму Ветлугиных услышит половина отделения.

Отец молчал всего пару секунд, но мне и их хватило, чтобы понять ответ.

- Звонил, - признался он. - Вчера вечером.

- Я просила тебя не вмешиваться.

- Ты просила не вмешиваться в распределение. Я не вмешивался, Тася. Ты поступила сама, место получила сама, в отделение Белова попала тоже без моей помощи. Я узнал об этом, когда списки уже утвердили.

- И тут же решил всё исправить? Вдруг кто-нибудь не поймёт, чья я дочь, и будет относиться ко мне как к обычному ординатору?

- Не передёргивай.

- А как мне это понимать? Константин Львович несколько лет никого лично не курировал, а теперь взял меня. Тут в кулуарах уже все обсуждают, как постарался папочка. Поздравляю, твой план сработал.

Я сама не ожидала, что прозвучу так зло. В трубке повисла тишина, и мне тут же захотелось забрать последнее слово обратно. Злиться, впрочем, я не перестала.

- Я не просил Костю делать тебе поблажки, - наконец сказал папа. - Наоборот, предупредил, чтобы спрашивал по полной программе.

- Какое облегчение. Значит, меня не только по знакомству устроили к заведующему, так ещё и будут гонять сильнее остальных.

- Ты уже была в его отделении, - в голосе отца появилось раздражение. - Я лишь попросил человека, которому доверяю, лично за тобой присмотреть.

- Мне двадцать три года, пап. За мной не нужно присматривать.

- Белов не станет относиться к тебе как-то по-особенному, поверь. Если ты хороша, признает. Если нет, тоже скажет, он умеет это: открыто, жёстко, зато честно.

- Ты должен был предупредить.

- Должен был, - после паузы согласился отец. - Утром собирался, да струсил. Понимал, что ты разозлишься.

Я прикрыла глаза. Папа мог сообщать людям самые страшные новости, а сказать дочери правду, он, видите ли, струсил.

- Если ты думаешь, что это отменяет мою злость на тебя, то это не так.

- Понимаю.

- Нет. Я всю жизнь доказываю, что чего-то стою сама, а ты одним звонком подтвердил всё, что обо мне говорят.

- Один звонок не отменит твоих заслуг, если ты действительно готова работать.

- Без твоего звонка я была куда лучше готова к работе.

- Тася…

- Мне нужно к куратору, ПАПА.

Я завершила звонок и посмотрела на своё отражение в потухшем экране. Глаза подозрительно блестели. Кажется, я собиралась сильно и независимо разреветься в первый же рабочий день.

Нет уж.

Холодная вода вернула лицу приличный вид, а мне - решимость. Возле кабинета Белова пришлось ждать, пока двое врачей закончат разговор. Заодно я выучила правила пожарной безопасности и теперь могла эвакуировать шестой этаж.

Когда врачи ушли, я постучала и, дождавшись разрешения, вошла.

Константин Львович положил планшет на стол и повернулся ко мне.

- Я хочу другого куратора, - с ходу выпалила я, пока не растеряла решимость.

Он даже бровью не повёл.

- Причина?

- Вы знаете.

- Я могу предполагать, но хотелось бы услышать от вас точную формулировку.

Раз уж я пришла отстаивать самостоятельность, глупо было ждать, что он сделает за меня хотя бы это.

- Мой отец попросил вас взять меня под личное кураторство. Я об этом не знала и согласия не давала. Теперь всё отделение думает, что получила особые условия по знакомству. Я не хочу начинать работу с одолжения.

- Вы понимаете, что отказываетесь от возможности работать под началом заведующего отделением? Вообще-то о такой возможности многие только мечтают.

- Понимаю. Я тоже мечтала, пока не узнала, как эту возможность получила.

Белов молча смотрел на меня, затем кивнул.

- Хорошо. Могу изменить распределение сегодня. Можете выбрать Иванникову или Соболева. На ваших оценках это не отразится.

Я подготовилась к чему угодно, кроме того, что Снежный просто согласится и не станет давить ни должностью, ни папиным именем.

- И всё?

- А что ещё? Вы взрослый человек и имеете право выбирать наставника. Просьба вашего отца не обязывает вас работать со мной.

Получалось, я заранее записала Белова в соучастники папиного преступного синдиката, а он в свою очередь не пытался ничего за меня решить, просто согласился на просьбу отца.

- Тогда переведите меня к Иванниковой, - сказала я, хотя слова дались тяжелее, чем должны были.

Константин Львович потянулся к лежащим на столе документам, но остановился.

- Прежде чем я изменю распределение, предлагаю неделю поработать под моим началом. Посмотрите, как я веду обходы и разборы, побываете на операциях, увидите работу заведующего изнутри. Неужели вам самой не интересно?

Ещё как интересно. В этом и была главная проблема.

- Через неделю сами решите, оставаться или переходить к другому куратору, - продолжил он. - Захотите уйти раньше - достаточно сказать. Как вам такой вариант? Компромисс, так сказать.

- Зачем вам это? У вас наверняка полно своих дел.

- Ваш отец в своё время правда для меня очень многое сделал. Ну и хотелось бы, чтобы вы приняли решение не из-за злости на него, а на основании собственного опыта. Мне даже немного обидно стало, что от меня отказываются...

- А если через неделю ВЫ решите, что я не соответствую вашим требованиям?

- Скажу об этом прямо и объясню, какие знания нужно подтянуть. Перейти к другому куратору вы сможете в любом случае.

Он предлагал всего семь дней рядом с лучшим кардиохирургом центра. Отказаться только из упрямства было бы глупо, даже для меня.

- Хорошо. Одна неделя.

- Это ваш окончательный выбор?

- Да.

- Тогда начинаем.

Белов протянул мне синюю папку, я взяла её.

- История болезни. Через пятнадцать минут жду вас в малой переговорной. Доложите основную проблему пациента, обоснуете предварительный диагноз и скажете, каких данных не хватает.

- Прямо сейчас?

Константин Львович посмотрел на часы.

- У вас осталось четырнадцать минут, Ветлугина.

Я открыла историю болезни. Буквы на секунду слились, потом сложились в фамилию пациента, возраст и длинный список жалоб.

- И, кстати, - добавил Белов, когда я дошла до двери. - Почему между Иванниковой и Соболевым выбрали первую? Предпочитаете работать с женщинами? Проблемы в общении с мужским полом?

Я отчего-то смутилась, и, пытаясь растянуть время чтобы придумать ответ, взялась за ручку двери.

- Не знаю, - выдохнула наконец. - Просто женщин, как будто, мне понимать проще. А мужчины...

- Тринадцать минут, Таисия Андреевна. Это была первая проверка. Не отвлекаемся на посторонние темы, когда на кону жизнь и здоровье пациента. И мужчины чаще всего наоборот в общении проще. Мы говорим то, что у нас на уме, и не додумываем за собеседника. Работайте, Ветлугина. На неделю вы моя. Мой ординатор, я имел в виду, разумеется.

5 глава. Первая проверка

Константин

Дверь за Ветлугиной закрылась, и я недовольно поморщился.

«На неделю вы моя».

Прекрасно, Белов. Можно же было сказать нормально: «На неделю я ваш куратор», но твой мозг решил выдать это недоразумение…

Зазвонил внутренний телефон: из операционного блока просили подтвердить перестановку в расписании, потом мне принесли бумаги на подпись, в общем, через пару минут мне стало не до неудачных формулировок. Начался привычный день заведующего отделением.

Если честно, я чуть не забыл вообще о том, что я отправила Таисию в малую переговорную и, по идее, должен был прийти через пятнадцать минут проверять задание. Пока то, что у меня снова был ординатор, которого я курировал, не укладывалось в голове.

Хорошо, что мне позвонила коллег:

- Кость, ты малую переговорную надолго занял? Я хотела…

- Чёрт, точно! Прости, это я не тебе. Освобожу минут через пятнадцать-двадцать.

- Отлично.

Когда я подошёл, Таисия уже сидела, не просматривая историю болезни, и по всей видимости закончив задание. При моём появлении сразу поднялась.

- Садитесь, можете начинать.

Малую переговорную мы обычно использовали для общения с родственниками пациентов, когда нужно было поговорить без лишних глаз и ушей, а все кабинеты были заняты. Так что мебели здесь было не много: стол со стулом, и пара кресел, одно из которых я и занял.

Таисия бросила на меня быстрый взгляд, и заговорила:

- Савельев Виктор Петрович, шестьдесят три года. Поступил с одышкой, болью за грудиной и эпизодами потери сознания. Обследование подтверждает тяжёлый аортальный стеноз.

Она говорила чуть быстрее, чем следовало, зато не пересказывала каждый анализ, значит действительно вникла в проблему. На два моих вопроса ответила, над третьим задумалась и призналась, что не знает.

- Что сделаете первым? - спросил я.

Она назвала плановое исследование, и я не «удержал» лицо и чуть поморщился.

- Вы видели запись медсестры в шесть десять утра? - подсказал я.

Она торопливо начала листать историю, вернулась к последней странице и почти сразу замерла.

- Боль изменилась и возникла в покое, - произнесла тише. - Значит, сначала нужно исключить острую проблему. Я не обратила внимания на время записи.

- Пропустили. Иногда детали очень важны, и не стоит пренебрегать любыми пометками.

Таисия сильнее сжала лист, на котором делала пометки, выпрямилась, а в глазах мелькнул испуг. Я решил, что она так переживала из-за допущенной ошибки. Ну а кто бы не переживал…

- Его уже осмотрели, Константин Львович? Он же вчера поступил только…

- Конечно, дежурная команда сделала всё необходимое. Сейчас пациент стабилен.

Плечи у неё заметно расслабились, а я с удивлением понял, что похоже, волновалась она не за результат своей проверки, а за пациента, которого в жизни не видела.

Это было интересно. Нелегко ей придётся в профессии с таким уровнем чувствительности ко всему.

- Я поняла ошибку. Можно продолжать?

- Да мы, в принципе, почти закончили. Остальное разберём после обхода. Отнесите историю на пост, пожалуйста.

Таисия

Мы вышли из переговорной, и в этот же момент до нас донеслись голоса трёх ординаторов, которых я видела утром на распределении, но не запомнила их имён.

- Нет, ну вы видели? - донеслось до меня. - Заведующий с Ветлугиной закрылся в переговорной. Первый день, а ей уже личный экзамен.

- Ишь как быстро, - хохотнул второй. - Может, она ему не только экзамен сдаёт. – Его тон не оставлял сомнений, что говорил он о чём-то пошлом.

- Ты чего, - фыркнул третий, - у неё же ФАМИЛИЯ. Папочка позвонил, вот Снежный и отрабатывает.

У меня кровь отлила от лица. Я стояла и не могла сдвинуться с места, чувствуя, как к щекам приливает жар. Хотела что-то ответить этим троим, открыла рот - и не нашла слов.

А вот Белов нашёл.

- Какие-то вопросы к тому, как прошло распределение? Чем-то недовольны, молодые люди?

От одного этого тона - ровного, ледяного – все трое подскочили как ужаленные. Обернулись, и лица у них вытянулись.

- Константин Львович, мы… - начал было один, но Белов его перебил, не повышая голоса:

- Я не ослышался? Вы обсуждаете моего ординатора? Или, может, мне послышалось, и вы говорили о работе, которую очевидно, вы не выполняете?

Тишина повисла такая, что я услышала, как где-то в конце коридора капает вода в кулере.

- Я задал вопрос, - продолжал Белов. - Вас троих взяли в отделение не для того, чтобы вы языками чесали в коридорах. Если чьи-то рабочие отношения вас так волнуют, подойдите и спросите в лицо. Но боюсь, тогда отвечать придётся уже мне. И вам этот ответ не понравится.

Один ординатор побледнел, второй опустила глаза, третий парень вообще, кажется, мечтал раствориться.

- Ещё раз услышу подобное, и разговор будет с заведующим кафедрой ординатуры. Всем ясно?

- Ясно, Константин Львович, - пробормотали они хором.

- Свободны.

Их как ветром сдуло.

- Спасибо. – Прохрипела я, когда трое скрылись из виду. Голос до сих пор не вернулся.

- Если что, я не вас защищал, просто прекратил сплетни. Не люблю, когда вместо работы обсуждают коллег.

- Я понимаю, но всё равно спасибо, Константин Львович.

Заведующий перевёл на меня взгляд, и несколько секунд молчал, не отводя глаз, прежде чем кивнуть. А меня от того, как он смотрел, как будто тряхнуло всю. И это ощущение мало напоминало благодарность.

Наверное, стресс. Его сегодня было не мало. Да, это точно был он.

Дорогие читатели!

Книга выходит в рамках литмоба "Формула настоящего мужчины", и я приглашаю вас в новинку нашего моба!

Чарли Ви "Чужой в моём доме": https://litnet.com/shrt/s4VE

Однажды на берегу реки я нашла раненого мужчину и спасла ему жизнь.

Правда, когда этот неблагодарный пришёл в себя, я впервые пожалела, что у меня такая совестливая натура.

Я ничего о нём не знаю, а он не торопится рассказывать, кто он и как оказался в реке.

С каждым днём жить с незнакомцем под одной крышей становится всё опаснее.

Только не потому, что я боюсь его.

А потому, что совсем скоро мне придётся его отпустить.

6 глава. Просто ради интереса

Таисия

- Тася, это ты? - донеслось из кухни, едва я закрыла входную дверь.

- Если нет, нам пора менять замок. – Фыркнула я. Уже несколько лет, после того как мой брат съехал, мы жили с родителями втроём.

Мама выглянула в коридор, улыбнулась и тут же нахмурилась, разглядев моё лицо.

- Устала?

- Нет, просто всегда мечтала выглядеть так, будто отпахала двенадцатичасовую смену, и вот, мечта сбылась.

- Можно было просто сказать «да»? Ваш с отцом сарказм меня когда-нибудь доконает.

Домой я добралась к половине девятого. За окном всё ещё моросило, мокрая куртка неприятно липла к рукам, а ноги после долгих часов в новой сменной обуви гудели так, словно первый рабочий день я провела не в отделении, а бегала по лестнице с первого на шестой этаж без лифта несколько десятков раз.

После истории в коридоре Белов повёл меня на обход и до конца смены больше ни словом не вспомнил о том, к «чьему роду» я принадлежала. Задавал вопросы, поправлял, один раз отправил переделывать записи, а ещё исчезал по своим делам так стремительно, что я едва успевала понять, куда идти дальше. В общем, вёл себя как заведующий, у которого действительно не было времени думать о моей тонкой душевной организации.

И это почему-то успокаивало.

- Мы тебя ждём, - сказала мама, не дождавшись от меня ответа. - Мой руки и иди ужинать.

За кухонным столом уже сидел отец. Перед ним давно остывший чай, рядом лежал телефон, и я сразу поняла: спокойно поесть не получится. Утренний разговор не закончился.

- Как первый день? - спросил папа.

- Длинный.

- Тася, я просто спросил.

- Я просто ответила.

Мама поставила передо мной тарелку и села рядом.

- Давайте хотя бы первые пять минут никто не будет ссориться. Ребёнок голодный.

- Мне двадцать три, - напомнила я.

- А разговариваешь с родителями так, как будто тебе примерно шесть. Ешь.

Спорить с мамой, когда она говорила таким тоном, не решались ни ординатор первого года, ни легендарный кардиохирург. Только после первых нескольких ложек я поняла, насколько проголодалась.

- Ты всё-таки осталась у Кости? - осторожно спросил отец.

- У Константина Львовича, - поправила я. - Да, осталась. Сама.

Последнее слово прозвучало жёстче, чем хотелось, однако папа не стал обращать на это внимание и просто кивнул.

- Он уже успел тебя поспрашивать что-то? - спросила мама.

- Как только пришла, сразу получила историю болезни и пятнадцать минут на подготовку.

- И как? - подался вперёд отец.

- Одну важную запись пропустила, в итоге Константин Львович подсказал, где смотреть, я поняла ошибку.

Папины пальцы дрогнули на ручке чашки. Он придержал её второй рукой и спросил слишком нейтрально:

- Ругался?

- Нет. Просто объяснил, почему такие детали нельзя пропускать, и закончил разбор.

- Строгий? - уточнила мама.

- Наверное.

Я вспомнила его короткое «пропустили», от которого внутри всё ухнуло, и то, как сразу после этого он спокойно сообщил, что пациенту уже помогли.

- Справедливый? - не отставала она.

- Похоже на то.

Отец набрал воздуха, явно собираясь что-то сказать.

- Андрей, - предупредила мама.

- Я молчу.

- Ты вдохнул для фразы «я же говорил».

- Между прочим, я действительно это говорил.

- Пап…

Он поднял свободную руку, признавая поражение, а я снова взялась за вилку. Есть хотелось зверски, хотя ещё в прихожей я была уверена, что от усталости не проглочу ни кусочка.

- Впрочем, проверка оказалась не самым неприятным, - сказала я через пару минут, и почти сразу пожалела.

Отец сразу насторожился.

- Что случилось?

- Трое ординаторов решили обсудить, почему заведующий закрылся со мной в переговорной. Сначала вспомнили фамилию, потом дошли до совсем мерзких намёков.

Папа медленно поставил чашку на стол.

- Имена.

Чёрт, и зачем вообще я это ляпнула? Надо было молчать.

- Я их не знаю.

- Завтра узнаешь, значит.

- Нет, не буду я ничего узнавать. Тем более, Константин Львович уже со всем разобрался.

- Костя слышал?

- Да, и он поставил их на место быстрее, чем я успела рот открыть. Объяснил, зачем их взяли в отделение, и пообещал, что в следующий раз разговор продолжится уже у заведующего кафедрой ординатуры.

Отец помолчал, затем потянулся к лежавшему рядом телефону.

- Кому ты звонишь?

- Косте.

- Нет.

- Я только хочу узнать, что именно произошло.

- Я тебе рассказала, что произошло. Константин Львович уже всё прекратил, и твой звонок ничего не исправит. Завтра все будут обсуждать, что одного звонка папы мне оказалось мало.

- Мне не всё равно, когда мою дочь оскорбляют.

- А мне не всё равно, что со мной будет после твоей защиты. Пожалуйста, не вмешивайся снова.

Папа посмотрел на меня так, словно я просила его сидеть сложа руки во время операции пока пациент умирал, но телефон он всё же отложил.

- Хорошо. Звонить не буду.

- Спасибо.

- Но это не значит, что я согласен с тобой.

- Я знаю.

- И моё утреннее решение всё ещё кажется мне правильным.

- Это я тоже знаю.

Мама вздохнула и придвинула ко мне хлеб.

- Прекрасно. Все всё знают, никто никого не переубедил, зато теперь можно спокойно поужинать.

Спокойно не особо получилось, хотя больше мы не ссорились. Отец хмурился, я старательно не замечала его взгляда, а мама рассказывала о каких-то домашних мелочах, пока напряжение между нами не стало хотя бы помещаться за столом.

- Костя правильно сделал, что сразу их остановил, - всё-таки произнёс папа. - Он и в ординатуре не умел проходить мимо таких вещей.

Мама усмехнулась.

- Мимо чего он не мог проходить, так это мимо работы. Помнишь, ты привёл его к нам после дежурства? Он уснул в кресле, пока я разогревала ужин, а потом уверял, что просто закрыл глаза.

- Он тогда трое суток почти не был дома. Я его не смог отправить домой, поэтому пришлось хотя бы к нам позвать.

- Сколько ему было тогда? Двадцать два, вроде бы? Такой худющий был, серьёзный... Точно, двадцать два. Я сначала ещё решила, что он намного старше.

Я попыталась представить Белова худющим двадцатидвухлетним ординатором, который засыпал в чужом кресле, и почему-то не смогла. В моей голове он сразу родился заведующим: высоким, строгим и, наверное, таким по-мужски красивым.

- Давно это было? - спросила я.

- Лет пятнадцать назад, - ответил отец. – Тоже первый год ординатором был. Костя, между прочим, школу экстерном окончил, очень умный парень, и в меде диплом получил уже в двадцать один. Потом год интернатуры, и вот после мы с ним как раз и познакомились.

Получалось, сейчас Белову было тридцать шесть или тридцать семь. Почему-то до этого момента я вообще не задумывалась о точной цифре его возраста: просто понимала, что он был намного старше меня, и намного опытнее, как можно было догадаться по кабинету с табличкой «Заведующий отделением».

После ужина я приняла душ, переоделась и легла с телефоном на кровать. Мне следовало проверить расписание, подготовить одежду на утро и лечь спать, пока организм ещё помнил, как это делается.

Вместо этого я открыла поисковик и набрала: «Константин Львович Белов кардиохирург».

Ничего странного. Любому ординатору полезно знать профессиональную биографию своего куратора, особенно если куратор - заведующий отделением и лучший ученик твоего отца.

Официальная страница центра сообщила, что Белов руководил отделением, состоял в нескольких профессиональных объединениях, публиковал научные работы и регулярно выступал на конференциях. Возраста там не было, поэтому пришлось уточнить запрос.

Тридцать шесть, и через месяц у него должен был быть день рождения.

Разница между нами составляла четырнадцать лет. Для оценки его профессиональных качеств эта информация была совершенно бесполезна, и всё же я почему-то пересчитала дважды.

Теперь можно было закрыть поисковик и заняться делом. Я почти так и поступила, затем совершенно случайно добавила к имени Белова слово «жена».

Честно говоря, это тоже имело отношение к работе. Человек сутками пропадал в больнице, и мне стало интересно, кто соглашался его ждать. Или не соглашался. Или вообще никто не ждал.

Поисковик ничего полезного не выдал. Следом я проверила запрос про детей, тоже исключительно для полноты биографической картины, и так нашла его страницу в социальной сети.

Фотография у конференционного стенда, несколько поздравлений от коллег, пара рабочих публикаций. Семейное положение не указано, личных снимков почти не было.

Кольца на пальце Белова я сегодня не увидела. Это, конечно, ничего не доказывало: хирурги практически никогда не носили украшений из-за постоянной обработки рук, перчаток и требований операционной.

И почему меня вообще интересовало это?

Просто любопытство после рассказа родителей. Совершенно нормальное человеческое любопытство к человеку, с которым предстояло провести целую неделю.

В этот момент на кровать запрыгнула Плюша. Свободного места вокруг было сколько угодно, но наша кошка всегда выбирала то, которое уже кто-нибудь занимал. Она приземлилась прямо мне на колени, телефон поехал вниз, и я дёрнулась, пытаясь его поймать.

Поймала.

Заодно большим пальцем попала точно по кнопке «Добавить в друзья».

- Нет-нет-нет…

На экране появилась надпись: «Запрос отправлен».

Я сразу потянулась отменить его, но страница обновилась раньше.

«Константин Белов принял ваш запрос в друзья».

7 глава. Уже не случайно

Константин

Телефон звякнул, когда я уже собирался отложить его в сторону. На экране высветилось уведомление: «Таисия Ветлугина отправила вам запрос в друзья».

Я несколько секунд смотрел на её имя, потом нажал «Принять». Почти машинально. Ветлугина была моим ординатором, может, хотела задать вопрос по завтрашнему расписанию или прислать что-нибудь рабочее.

Однако, никакого сообщения не последовало. Я положил телефон рядом с ноутбуком, потёр глаза и уже собирался идти спать, но рука сама потянулась обратно. Стало любопытно, что вообще выкладывала в социальную сеть дочь Андрея Ветлугина, которую я сегодня, можно сказать, увидел впервые.

Страница оказалась обычной: несколько фотографий с учёбы, снимок с родителями, поздравления от брата. Ни громких статусов, ни попыток выставить напоказ знаменитую фамилию.

Я пролистал ниже и остановился на летней фотографии: Таисия стояла у воды в лёгком платье, с распущенными волосами, и смеялась так, будто человек за кадром только что сказал ей что-то действительно смешное.

Без белого халата, собранных волос и настороженности во взгляде, которую я видел сегодня, она выглядела совсем иначе. Просто красивой молодой женщиной, у которой, судя по фотографии, была настоящая жизнь за пределами больницы и обучения.

Я слишком долго смотрел на экран. Потом шумно выдохнул и положил телефон дисплеем вниз.

На сегодня интернета хватит, ещё не хватало в тридцать шесть лет зависать на фотографиях собственного двадцатитрехлетнего ординатора.

В моей квартире была полнейшая тишина. В холодильнике ждал контейнер с ужином, который я обещал себе съесть ещё час назад, на кухонном столе лежали распечатки на завтрашнюю планёрку, а рядом с ними - ключи, которые я так и не убрал в прихожую. Обычный вечер. Такой же, как большинство в последние года.

Женщины в моей жизни, разумеется, были. Отсутствие кольца на пальце не означало, что я однажды решил принести себя в жертву кардиохирургии и больше ни на кого не смотреть, но всё было… сложно.

Мои последние серьёзные отношения закончились около трёх лет назад, после двух лет, в течение которых мы с ней честно пытались сделать из двух взрослых людей пару.

Она не просила меня уйти из больницы и никогда не устраивала сцен из-за ночных звонков. Просто в какой-то момент призналась, что давно не покупала билеты заранее, не бронировала столики никуда, и не ждала меня к ужину. Потому что я всё равно мог позвонить за час до встречи и сказать, что не приеду. В последний раз я хотел возразить, но не нашёл ни одного честного аргумента.

После неё были свидания, были короткие истории, в которых никто никому ничего не обещал. Для меня это оказалось удобно, и слишком… незначительно, чтобы захотелось повторять попытку всерьёз.

Я забрал телефон со стола и отнёс в спальню. Будильник был поставлен, сообщений от Ветлугиной по-прежнему не было, а значит, на сегодня действительно можно было закончить с интернетом.

Рабочее утро началось с планёрки, двух звонков из операционного блока и просьбы главврача срочно прислать ему отчёт, который, как выяснилось, нужно было отправить ещё вчера.

Наверное, за это я, в том числе, и любил свою работу, что к девяти часам утра я успел забыть и про запрос в друзья от Таисии, и про её летнюю фотографию у воды.

Ординаторы стояли у стены конференц-зала, как и накануне. Ветлугина была среди них, слушала внимательно, что-то записывала, вовремя поднимала глаза на говорящего, и, возможно я себе это придумал, но на меня словно старалась лишний раз не смотреть.

- Константин Львович, - обратилась Иванникова, которая была сегодня после дежурства, - там в реанимации случай сложный, нужно чтобы вы посмотрели.

- Принял. Ветлугина, после обхода подниметесь со мной в реанимацию.

Таисия замерла всего на секунду, но я заметил. Быстро перевела взгляд на других ординаторов и сказала тихо, но достаточно чётко, чтобы услышали все:

- Константин Львович, может, лучше кто-то из ребят? Они тоже, наверное, хотели бы посмотреть.

Я отложил ручку.

- У них есть свои кураторы и свои задачи, а вы работаете со мной.

Таисия кивнула и больше не спорила. Объяснять ей при всех, что программа обучения не должна зависеть от вчерашней болтовни в коридоре, я не собирался, очень надеясь, что у неё была голова на плечах, и сказанное мной и мой тон ей о чём-то да сообщили.

В целом, рабочий день прошёл продуктивно. Ближе к концу смены Ветлугина пришла в мой кабинет с листом вопросов по пациенту, которого я ей поручил в качестве учебного задания.

Я отметил несколько строк, объяснил, где она неверно связала причины и следствия, и вернул лист.

- Дома перечитайте историю болезни ещё раз. Утром начнём с неё.

- Хорошо, Константин Львович.

Она взяла бумаги, дошла до двери и вдруг остановилась. Я ждал, пока она решится на то, что хотела сказать: времени на это у неё ушло больше, чем на весь наш разговор о пациенте, но торопить почему-то не стал.

- Константин Львович... насчёт вчерашнего запроса в друзья. Он случайно отправился. Кошка прыгнула на меня, телефон выскользнул, а вы... вы очень быстро его приняли.

Я поднял глаза от истории болезни.

- Ничего страшного не произошло, Таисия.

- Я просто не хотела, чтобы вы подумали что-то не то.

- Я ничего и не подумал.

Она выдохнула так заметно, что это было даже забавно.

- Спасибо, тогда я пойду?

- Да, конечно, идите. До завтра.

Дверь закрылась, а я снова уткнулся в документы.

До самого вечера мне было чем заняться: проверить график операций, ответить на письмо из университета, поговорить с главным врачом о новом оборудовании. Домой я вернулся поздно и с единственным желанием принять душ, поесть и выключить голову хотя бы до утра.

Телефон лежал на тумбочке, к счастью, на нём не было никаких новых уведомлений. Поэтому и никакой необходимости открывать социальную сеть тоже не было.

Но я всё равно взял телефон в руки.

Значит, запрос Таисия отправила случайно…

А вот её страницу во второй раз я открыл уже сам.

Дорогие читатели!

В рамках нашего литмоба вышла классная новинка, куда я вас приглашаю!

Ася Петрова "Две минуты до счастья": https://litnet.com/shrt/8MeP

— Вы его ангел-хранитель… Прошу вас, не дайте ему попасть в дом малютки. Найдите мою сестру. Умоляю вас.

И все. Она закрывает глаза, а я прижимаю к себе голубовато-розовое тельце, понимая, что выполню ее просьбу.

Только потому что я одним взглядом ей это пообещал.

***

Спасать людей — дело всей моей жизни. После тяжелой аварии я спасаю ребенка, но его мать погибает.

Я выполняю обещание и нахожу ее сестру.

Только есть одна проблема. Я знаю эту женщину. Когда-то она была моей первой и единственной любовью. Я любил ее годами, пока она жила своей жизнью и даже не догадывалась о моих чувствах.

Теперь судьба снова сталкивает нас.

Нас связывает младенец и моя тайна.

И шанс наконец сказать то, что должен был сказать много лет назад.

8 глава. Не по пути

Таисия

К концу третьего дня я уже начала понимать, почему люди в ординатуре так быстро перестают выглядеть свежими и счастливыми. Утром мне казалось, что я вполне способна на подвиги, после обеда хотелось хотя бы раз присесть, а к вечеру я мечтала только о том, чтобы снять сменную обувь и добраться до дома без новых учебных задач.

А вот Константин Львович, проверяющий заметки, в отличие от меня выглядел довольно бодрым.

- Ветлугина, - он не поднял головы, - историю Орехова принесли?

- Да, вот.

Я положила тонкую папку на край стола и уже собиралась тихо попрощаться и исчезнуть, когда у него зазвонил телефон.

- Слушаю.

Заведующий выслушал собеседника, нахмурился и откинулся на спинку кресла.

- Когда сделали исследование?.. Понял, через сорок минут буду.

Разговор длился меньше минуты. Константин Львович положил телефон рядом с клавиатурой и наконец посмотрел на меня.

- Поедете со мной.

Я моргнула.

- Куда?

- В другую клинику, коллеги попросили посмотреть пациента, там сложный случай. Вам будет полезно.

У меня внутри смешались сразу два чувства: с одной стороны, домой реально хотелось, с другой... сложный случай звучало многообещающим. А ещё, почему-то, хотелось понаблюдать за работой Белова.

- Хорошо, Константин Львович.

- Будете слушать, если что-то не поймёте, запишете вопросы, обсудим потом. В разговор не вмешиваетесь.

- Я поняла.

Он коротко кивнул, собрал документы в одну стопку и взял со спинки кресла тёмное пальто.

- Тогда выходим, куртку не забудьте, на улице всё ещё льёт.

Будто я могла забыть. Дождь с самого утра бился в окна так настойчиво, словно тоже хотел попасть в операционный блок, чтобы лично испортить всем настроение.

Через несколько минут мы вышли из корпуса. Я подняла воротник куртки и приготовилась бежать к остановке, но Константин Львович открыл передо мной пассажирскую дверь тёмной машины.

- Садитесь.

- Спасибо.

Я не знала, что у него был свой автомобиль. Хотя, не удивительно. Насколько я знала, даже хирурги федерального центра получали очень неплохо, а уж заведующие, наверное...

Внутри автомобиля было тепло и пахло чем-то ненавязчивым, не освежителем для автомобиля, это точно. Я пристегнулась, положила сумку на колени и уставилась в лобовое стекло, за которым двор центра медленно расплывался в серых потоках воды.

Константин Львович уверенно выехал с парковки.

- Вы сегодня молчаливее обычного, - сказал он, не отрывая взгляда от дороги.

Я повернулась к нему.

- Я обычно много говорю?

- Нет, но сегодня ещё меньше. Уже устали от работы?

Почему-то стало неловко. Не потому, что он сказал что-то обидное. Наоборот, звучало так, словно Константин Львович уже успел заметить, как я веду себя в разные моменты.

- Просто стараюсь не мешать, - ответила я.

- Не мешать и молчать - разные вещи.

- Я учту.

Он чуть повернул голову, будто хотел добавить что-то ещё, но в этот момент перед нами резко затормозила машина. Константин Львович выругался себе под нос, затормозил плавно и больше к разговору не возвращался.

Я тоже не стала. Сидела прямо, держала сумку на коленях и старательно не думала о том, что вчера вечером смотрела его фотографии в социальной сети, а он совершенно спокойно сидит рядом и даже не подозревает, какие глупости успела придумать его ординатор за одни сутки.

Другая клиника оказалась старым зданием в нескольких кварталах от нашего центра. У входа нас встретил мужчина в синем костюме, быстро поздоровался с Константином Львовичем и сразу повёл по длинному коридору.

- Спасибо, что приехали. Мы материалы подняли, но пациента сейчас увезли на дополнительное исследование. Минут двадцать, не больше.

- Ничего, подождём, - ответил Белов.

Нас оставили в небольшой комнате для врачей. Там стояли стол, несколько стульев, шкаф с папками и автомат с кофе, который гудел так, что невозможно было игнорировать.

Константин Львович снял пальто, повесил его на спинку стула и достал телефон. Я села напротив, открыла блокнот и написала дату, будто готовясь вести конспект, хотя записывать пока было совершенно нечего.

Минуты три прошли в молчании.

Я успела рассмотреть на стене старый календарь, дважды проверить, работает ли ручка, и окончательно убедиться, что ожидание рядом с Беловым - это отдельный вид пытки для меня.

- Константин Львович, - вырвалось у меня раньше, чем я решила, стоит ли вообще начинать разговор.

Он поднял взгляд от телефона.

- Да?

- Мама про вас рассказывала, когда узнала, что вы мой куратор.

Вот теперь уже можно было честно провалиться сквозь пол. Разве нормально начинать разговор с заведующим так?

Но Константин Львович не нахмурился, только отложил телефон подальше на стол экраном вниз.

- Надеюсь, ничего криминального?

- Нет. Сказала, что вы однажды уснули у нас в кресле, пока она разогревала ужин.

Он тихо хмыкнул.

- Помню этот вечер.

- Правда?

- Ну, как вы уже поняли, не весь. Ваш отец привёз меня к вам после дежурства. Я пытался убедить его, что вовсе не устал, могу ещё работать, а потом, только оказавшись в вашей квартире, проснулся от того, что Елена Михайловна накрывает меня пледом.

Я улыбнулась, представив это. Почему-то образ молодого Белова, который спорит с папой, а потом засыпает в кресле, никак не хотел совпадать с мужчиной напротив.

- Вы совсем не отдыхали тогда?

Константин Львович пожал плечами.

- Мне казалось, что если я уйду раньше остальных, это сразу станет заметно. А ещё я не всегда понимал, что устал.

- От работы дохнут кони, ну а я… бессмертный пони?

Он посмотрел на меня с улыбкой.

- Типа того.

- А сейчас вам тоже кажется, что надо работать на износ?

Только задав вопрос, я подумала, что зря полезла к Белову с подобными распросами, но он ответил прежде, чем я успела открыть рот.

- Сейчас я знаю, что от усталого врача пользы меньше, чем от врача, который вовремя ушёл домой. Но знать и соблюдать - не одно и то же.

Сказал он это спокойно, просто как факт, который давно про себя понял.

Я опустила глаза в блокнот.

- Папа, наверное, именно этого и боится.

- Чего именно?

- Что я однажды тоже решу, будто больница важнее всего остального. Он не говорил так прямо, но… - Я покрутила ручку в пальцах. - Он вообще много чего не говорит прямо, приходится додумывать.

Константин Львович помолчал.

- Андрей Сергеевич умеет даже молча переживать так, чтобы ты всё понял. И, если честно, практически во всех случаях, когда он меня о чём-то предупреждал, то оказывался прав.

- Тоже думаете, что медицина и хирургия не для молодых женщин?

- Вы меня на таком не подловите, Таисия. Но что я думаю, так это то, что в каждой профессии есть что-то, чем нужно жертвовать, если хочешь дойти до вершины. И, да, часто для медиков жизнь и работа становится примерно одним и тем же.

- Я вижу вас, а слышу его... - я фыркнула, не успев остановиться.

Белов тоже едва заметно улыбнулся, и от этого стало легче. Будто мы на секунду перестали быть заведующим и ординатором, которые всё время подбирают правильные слова.

Дверь открылась, и в комнату заглянул тот самый мужчина в костюме, который нас встретил.

- Константин Львович, можно.

Он сразу поднялся.

- Идёмте, Ветлугина.

Я схватила блокнот и поспешила следом.

В кабинете нас ждали трое врачей и снимки на экране. Константин Львович поздоровался со всеми так, будто приезжал сюда каждую неделю, хотя, насколько я поняла, его вызвали впервые за долгое время.

Я устроилась чуть в стороне и делала то, что он велел: слушала.

Коллеги говорили быстро, перебивали друг друга, показывали на экран. Я понимала далеко не всё, но видела другое. Когда Белов задавал вопрос, в комнате сразу становилось тише. Когда просил вернуться к какому-то моменту, никто не спорил и не закатывал глаза. Ему отвечали подробно, без попыток доказать, что и так всё знают.

Через несколько минут он назвал то, что, по его мнению, нужно проверить ещё раз, и спокойно объяснил, почему не стоит торопиться с решением. Без громких слов, просто несколько точных фраз, после которых врачи переглянулись и начали обсуждать уже совсем другой план.

Я поймала себя на том, что в этот момент очень ясно понимала, почему папа позвонил именно ему, когда узнал, куда меня распределили.

По дороге обратно дождь только усилился. В машине было темно, и подсветка приборов мягко освещала руки Константина Львовича на руле.

Я быстро отвернулась к окну. Разглядывать руки собственного куратора - ещё хуже, чем искать в социальной сети сведения о его семейном положении.

Он свернул к знакомому перекрёстку, и я вдруг поняла, что мы едем совсем не в сторону центра.

- Константин Львович, вы же не туда повернули.

- Знаю, я везу вас домой.

- Не нужно, я доберусь сама.

- Таисия, уже поздно, и дождь на улице.

Отказ прозвучал бы странно. Любой нормальный человек просто поблагодарил бы и сидел дальше, радуясь, что не придётся мокнуть на остановке. Но мне вдруг стало слишком неловко от мысли, что я окажусь у дома в его машине... Ещё отец увидит, что Белов меня подвёз, как-то не так поймет.

Я сжала блокнот крепче.

- Я доберусь как-нибудь, вас дома уже, наверное, жена заждалась...

9 глава. Когда страшно

Константин Львович слегка повернул ко мне голову, собираясь ответить, но договорить не успел.

Из-за поворота прямо перед нами вылетела машина с выключенными фарами. Я заметила только тёмный бок, слишком близко, и бледное лицо водителя за стеклом.

Белов резко вывернул руль и ударил по тормозам.

Меня бросило вперёд. Ремень удержал, конечно, но в ту же секунду правая рука Константина Львовича легла мне поперёк плеча, почти у ключицы, не давая врезаться в панель.

Всё закончилось так же быстро, как началось. Чужая машина пронеслась мимо и скрылась за следующим перекрёстком, а наша застыла у обочины.

Несколько секунд в салоне было очень тихо, только дождь барабанил по крыше, да мы оба дышали слишком громко.

Я повернула голову. Константин Львович смотрел на меня так, словно сам ещё не понял, что опасность уже позади. В его взгляде не осталось привычной сдержанности заведующего, который всегда знает, что делать дальше, только испуг за меня.

- Вы в порядке?

Голос у него прозвучал низко и непривычно глухо.

- Да. Кажется.

- Нигде не ударились?

Я мотнула головой. Его ладонь всё ещё лежала на моём плече, тёплая и тяжёлая, а я почему-то не могла заставить себя отвести взгляд.

- Таисия?

- Нет. То есть да, я в порядке.

Он убрал руку. Медленно, будто сначала убедился, что со мной действительно ничего не случилось. На плече сразу стало пусто и холодно, хотя в машине было тепло.

Константин Львович провёл ладонью по лицу, включил аварийку и ещё раз посмотрел в зеркало.

- Я не увидел его раньше. Извините.

- За что вы извиняетесь? Вы же... вы нас спасли.

Он ничего не ответил, только крепче сжал руль, а потом осторожно выехал обратно на дорогу.

Я повернулась к окну, в стекле отражалось моё лицо - бледное, с огромными глазами. Сердце стучало где-то в горле, и это точно было не только из-за резкого торможения.

Оставшуюся дорогу мы молчали. Не потому, что говорить было не о чем. Просто любое слово после того, как он смотрел на меня как-то странно, казалось лишним.

Мой телефон зазвонил, когда мы были уже недалеко от моего дома, и машина остановилась на красный свет. На экране высветилось: «Макс».

Я сразу ответила.

- Да?

- Тася, ты где?

В голосе брата было что-то такое, от чего у меня внутри всё похолодело быстрее, чем после недоаварии с той машиной.

- Еду домой после работы, задержалась. А что случилось?

- Мама позвонила. Папе плохо, он на полу, встать не может. Скорая уже едет, я тоже выехал, но буду не раньше чем через сорок минут, я на другом конце города был.

Я уставилась перед собой, пытаясь осознать, что именно он сказал.

Папа на полу. Не может встать.

- Он в сознании?

- Да. Мама говорит, отвечает ей, но... Тася, ты можешь приехать быстрее?

- Могу, мы уже почти рядом.

Я положила телефон на колени и только тогда поняла, что пальцы дрожат. Константин Львович смотрел на меня, не трогаясь с места, хотя светофор давно переключился на зелёный, а сзади нам недовольно сигналили.

- Я слышал, что произошло, динамик громкий. Скорая вызвана?

- Макс сказал, что да.

- Я поднимусь с вами.

Я набрала маму.

- Мам, мы едем с Константином Львовичем, как папа?

- Лежит. Говорит, что ничего страшного, но я не могу его поднять, Тася. Он пытался встать и опять сел на пол. Я боюсь сделать хуже.

- Не поднимай его, пожалуйста. Скорая едет, и мы скоро будем.

Голос получился почти спокойным, я даже не поняла, откуда взяла силы на это, потому что внутри всё дрожало.

Константин Львович молча протянул мне пачку салфеток из бардачка. Я сначала не поняла зачем, потом провела пальцами по щекам и обнаружила, что по ним катились слёзы.

- Я не плачу, просто... - сказала зачем-то.

- Всё нормально.

До дома мы доехали быстро, хотя дождь стал ещё сильнее, а машины на дороге будто специально решили собраться в одну длинную пробку. Константин Львович остановился у подъезда, выключил двигатель и первым вышел под ливень.

Я выскочила следом, забыв и про зонт, и про капюшон. Он обогнул машину, на ходу застёгивая пальто, и догнал меня уже у двери подъезда, где я лихорадочно пыталась достать ключи из своей бездонной сумки. Пальцы плохо слушались: брелок цеплялся за подкладку, ключи звенели, никак не хотели находиться, а я всё пыталась не думать о том, что мама сейчас одна, а папа лежит на полу.

Константин Львович молча придержал мою сумку, пока я наконец не вытащила связку. В лифте я смотрела на цифры над дверью и считала этажи, будто от этого он мог ехать быстрее.

- Тася, - вдруг сказал Белов.

Я подняла голову.

- Он в сознании, скорая в пути. Сейчас мы просто поднимемся и посмотрим, что происходит. Всё будет хорошо, ничего страшного по описанию не произошло.

Я кивнула, ничего умного сказать не получилось. Двери лифта открылись, и со стороны нашей квартиры почти сразу донёсся мамин голос:

- Андрей, не пытайся вставать, пожалуйста. Я сейчас подложу тебе подушку.

Я сорвалась с места, распахнула дверь и влетела в прихожую.

- Мам!

Она появилась из гостиной, бледная, в домашней кофте, с растрёпанными волосами. Увидела меня, потом Константина Львовича за моей спиной и на секунду замерла.

- Костя?

- Здравствуйте, Елена Михайловна. Где Андрей Сергеевич?

Мама только махнула рукой в сторону гостиной.

Папа сидел на полу у кресла, привалившись спиной к дивану. Одна его рука мелко дрожала, вторая лежала на колене, будто он до сих пор пытался удержать её неподвижной. Он был бледнее обычного, но, увидев нас, недовольно нахмурился.

- Ну вот, - выдохнул он. - Собрали консилиум.

У меня перехватило горло.

- Пап...

Константин Львович уже опустился перед ним на корточки.

- Андрей Сергеевич, не двигайтесь пока. Таисия, принесите, пожалуйста, папины документы и телефон. Елена Михайловна, вы пока побудьте рядом с ним.

Он говорил спокойно, короткими фразами, и от этого в квартире вдруг стало чуть легче дышать. Казалось, что вот, пришёл знающий человек, и он сейчас обязательно решит проблему.

И не важно, что Константин Львович был кардиохирургом, а у отца Паркинсон.

Я смотрела на Константина Львовича, который сидел на полу рядом с моим отцом, и мне пришла в голову мысль, что он пришёл сюда не потому, что когда-то был папиным учеником, и не потому, что я была его ординатором, а потому что увидел, как я испугалась.

Или я просто надумывала?

10 глава. Дома никто не ждёт.

Таисия

Дверь хлопнула так, что эхо пошло по всей лестничной клетке. В прихожую ввалился Максим, мой брат. Мокрый, взъерошенный, в расстёгнутой куртке, с таким лицом, будто он всю дорогу бежал, а не ехал.

- Где папа? - выпалил он с порога, и тут же, не дожидаясь ответа, ринулся к гостиной.

Я пошла следом. Макс замер на пороге гостиной и уставился на незнакомого ему мужчину, который сидел на корточках рядом с отцом и что-то тихо ему говорил.

- Здравствуйте, - сказал Макс медленно. - А вы...?

Белов поднялся одним плавным движением, отряхнул брюки.

- Константин Львович Белов. Куратор Таисии в ординатуре, заведующий кардиохирургическим отделением.

Макс перевёл взгляд на меня, потом снова на него. Пожал протянутую руку - машинально, как человек, который слишком хорошо воспитан, чтобы открыть рот раньше времени. Но по его лицу я видела: он ни черта не понял, что за куратор делает в нашей квартире в одиннадцать вечера.

- Максим, - представился он. - Брат.

- Я понял, вы похожи.

Папа, который всё это время сидел на полу, вдруг хрипло рассмеялся:

- Оба - копия матери, слава богу.

- Андрей, лежи спокойно, - шикнула мама. – И глупостей не мели. Максим вообще ты в молодости, один в один.

Пока мама с Беловым вернулись к отцу, Макс взял меня за локоть и буквально вытащил в коридор.

- Это кто? - спросил он вполголоса.

- Он же сказал, куратор мой из ординатуры.

- И что он делает у нас дома в одиннадцать вечера?

- Подвозил меня после работы, потом позвонил ты, и он остался помочь.

Макс скрестил руки на груди.

- Подвозил? Тасенька, а давно ли у нас кураторы, да ещё и заведующие отделением, ординаторов домой лично развозят? Ему сколько? Сорок?

- Тридцать шесть.

- Не особо меняет ситуацию, потому что тебе…

- Макс, - я понизила голос до шипения, - папа на полу, скорая едет. Ты серьёзно сейчас?

Он поджал губы, но всё же добавил тише:

- Мне не нравится, что ты с ним проводишь время. Он для тебя слишком взрослый.

- Мы работаем вместе. Всё. Хватит.

- Я просто говорю.

- А я просто прошу тебя не нести этот бред, пока папе плохо.

Макс открыл рот, чтобы возразить, но в этот момент раздался звонок в дверь. Скорая.

Я выдохнула с облегчением, хоть какое-то дело, которое отвлечёт брата от дурацких вопросов.

Бригада оказалась из двух фельдшеров и молодого врача - девушки лет тридцати, с короткой стрижкой и усталым, но спокойным лицом. Она сразу опустилась перед отцом, задавая вопросы.

- Давление, сатурация, глюкоза, - коротко скомандовала она фельдшерам.

Пока они разворачивали тонометр, она быстро осмотрела отца:

- Сожмите мои руки. Поднимите обе руки вверх. Улыбнитесь. Покажите язык.

Папа выполнял всё с видом человека, которого заставляют делать что-то, что ему очень не хочется, и он считает глупым.

- Когда последний раз принимали препарат? - спросила врач.

- Утром. Вторую дозу пропустил, - признался отец нехотя.

- Понятно.

Она глянула на фельдшеров, те уже сняли показатели и переглянулись.

- Давление низкое, сто на шестьдесят. Сатурация в норме, глюкоза в норме. На ЭКГ ишемии не вижу. Похоже на off-эпизод на фоне пропуска леводопы плюс ортостатическая гипотензия. Резко встал, давление упало, потерял равновесие.

Я посмотрела на Белова. Он стоял у стены, сложив руки, и не вмешивался. Он был кардиохирургом, а не неврологом, и он это понимал. Но, когда я повернулась к нему, то поймала его взгляд, он смотрел не на отца, а на меня. Наверное, проверял, как я держусь.

- Везу в больницу, - подытожила врач. - Для наблюдения. Дома оставлять нельзя, риск повторного падения.

- Я не поеду, - тут же сказал отец. - Это же просто давление!

- Андрей Сергеевич, - мягко произнёс Белов, и все почему-то замолчали, - давайте вы поедете. Иначе, я уверен, ни Таисия, ни Елена Михайловна сегодня нормально не поспят, беспокоясь за вас.

Папа посмотрел на него, потом на маму. Мама стояла бледная, с трясущимися руками, и папа, кажется, только сейчас увидел, как она по-настоящему испугалась.

- Ладно, - сдался он. - Чёрт с вами.

Дальше всё закрутилось быстро. Отца переложили на каталку, мама заметалась по квартире, собирая документы и его вещи. Макс вызвался везти её до больницы на своей машине.

- Я отца отвезу, проверю, что всё там нормально, и вернусь, - сказала мне мама уже в дверях. - Ты спать ложись, не жди.

- Может всё-таки с вами?

- Зачем нам столько народа? И так Макс попёрся. Всё равно, отца в палату определят и попросят всех.

Мама обняла меня - быстро, крепко, и вышла из квартиры. Макс уже спустился вниз, помочь загрузить отца в машину, и дождаться маму.

Я повернулась, и увидела Белова, он молча надевал пальто.

- Константин Львович... - начала я.

- Не провожайте, - сказал он. – Я тоже пойду.

- Да хоть вас провожу, а то все без меня уехали.

Он не стал спорить.

Мы вышли на лестничную клетку, дверь за нами мягко закрылась. В полумраке подъезда было тихо, пахло сыростью и чужим ужином. Где-то внизу гудел лифт.

- Спасибо вам, - сказала я. - За всё. За то, что остались.

- Не за что, я особо не был полезен.

- Извините за тот вопрос в машине. Ну… про жену. Это было бестактно с моей стороны, и совсем не моё дело. Просто вырвалось.

Я говорила и понимала, что несу чушь, но остановиться не могла. Потому что стоять с ним вот так, в тишине, после всего, что случилось, было почему-то ещё страшнее, чем тараторить.

- Таисия Андреевна, - произнёс он, и голос у него был ниже обычного. - Я не успел ответить, дома меня никто не ждёт. Я не женат.

Лифт открылся, металлические двери разъехались, Белов шагнул внутрь, не оборачиваясь.

- Постарайтесь поспать хоть немного перед завтрашней сменой.

Двери закрылись.

А я так и осталась стоять на лестничной площадке, прижав ладонь к губам, и сердце колотилось где-то в горле, и я не могла понять, что из случившегося за этот вечер заставляло меня себя чувствовать сейчас такой взволнованной.

«Дома меня никто не ждёт».

Дорогие читатели! Новинка нашего моба о настоящих мужчинах!

Селин Саади "Допуск к сердцу": https://litnet.com/shrt/wFpT

— У нас двенадцать сессий. От моего заключения зависит ваш допуск к оперативной работе. — Поднимаю на него глаза. — От вашей честности зависит, сколько из этих двенадцати нам придётся высидеть вместе.

— А если я не буду честным?

Уголок его рта дёргается в вызове.

Первый день работы — и напротив садится мой новый пациент.

Тот самый мужчина из ночи, которую я считала закрытой дверью.

— Думаешь, получится подписать мне отказ? — говорит он у двери, не оборачиваясь. — После того, что я теперь о тебе знаю...

Его молчание решает мою судьбу, моя подпись решает его.

Между нами — граната без чеки. Мы оба это знаем.

Но молчим.

Пока.

11 глава. Бар

Мама позвонила с последними новостями сразу после утренней планёрки, когда я запихивала в себя больничный омлет, кофе и пыталась проснуться.

Папу выписали, off-период (пропуск таблетки) купировался ещё ночью, давление выровняли, анализы в норме, острой патологии не нашли.

А днём мама написала сообщение, что отец уже вовсю сидит в своём кресле, и брюзжит, что его «зазря продержали», и вообще в больницу вчера не надо было ехать, и скорую не надо было вызывать.

Я выдохнула.

Белов как раз проходил мимо сестринского поста, когда я убирала телефон в карман халата после того, как прочитала сообщение.

- Как Андрей Сергеевич? – Похоже, облегчение было написано у меня на лице.

- Домой уже отпустили, всё нормально.

- Ну и хорошо.

Белов кивнул и пошёл дальше по коридору вершить свои важные дела, а я побрела в противоположную сторону выполнять задания, которые он мне оставил на сегодня.

В течение дня с Константином Львовичем мы почти не пересекались, уж не знаю, специально он так всё спланировал, или нет. А когда я уже собиралась отправиться домой, меня перехватили Илья и Маша, тоже ординаторы. Мы с ними особо не были знакомы, так, перебросились за эти дни парой слов.

- Ветлугина, ты как насчёт бара? - Илья натягивал куртку, переминаясь с ноги на ногу. - Пятница всё-таки. Народ собирается, ты, мы, Ленка, Саша - ординатор из терапии, моя подруга, может, ещё кто подтянется. Познакомимся нормально, пообщаемся.

- Даже не знаю, - я замялась. - У меня вчера...

- Ой, у кого чего в жизни только не происходит, - перебила Маша. – У нас у всех адские деньки, пока вливаемся в профессию, так что отдых, и союзники в этом деле, нам жизненно необходимы.

В итоге, я попросила у ребят минутку, и отошла позвонить маме.

- Мам, как вы?

- Да нормально, папа спит. Не переживай, Тась. Я чай пью, книжку читаю, тишина и покой. А ты чего таким голосом спрашиваешь?

- Меня ребята из ординатуры в бар зовут. Но если вам нужна помощь...

- Господи, какая помощь? Иди, веселись, пока молодая.

Я нажала отбой с облегчением, и сообщила, что присоединюсь к тусовке.

Бар назывался «Маяк», и маяком он был разве что для заблудившихся после работы медиков, так как находился недалеко от медцентра и был излюбленным местом для посиделок после работы у всех, от санитарок до врачей.

Полумрак, кирпичные стены, музыка негромкая, но достаточная, чтобы не слышать чужих разговоров. Мы заняли угловой столик на шестерых.

К тому моменту, как принесли первую порцию напитков, народу подтянулось больше. Саша из терапии, Костя из реанимации, ещё пара ребят, чьи лица я помнила смутно. Я пыталась запомнить все имена, и кто чем занимался, но выходило со скрипом.

Лена пришла последней - яркая брюнетка с короткой стрижкой, которая всегда выглядела так, будто только что из салона, даже после суточной смены. Она тоже была в кардиохирургии, как и я, но мы и с ней почти не общалась, только здоровались в коридоре.

- О, Ветлугина, - она плюхнулась на стул рядом со мной, сразу начав общаться, как будто мы были давно знакомы. – Что, тебя Снежный всё ещё курирует?

- Ну да, - кивнула я, делая глоток.

- И как?

Я пожала плечами:

- Не знаю, что сказать. Нормально. Строгий, но справедливый.

- Строгий и справедливый? - Костик фыркнул. – Возможно, только с девушками. С мужчинами он обычно не церемонится, и просто строгий.

Все засмеялись. Лена подалась вперёд, став вдруг очень заинтересованной:

- Слушайте, девочки, мальчики пока закрывайте уши, ну давайте честно, мы же все взрослые люди и коллеги…

Она обвела взглядом собравшихся.

- Вот скажите мне: Белов - он же секси. Я не знаю, как можно это не замечать!

Маша поперхнулась коктейлем, Саша из терапии многозначительно хмыкнула, Илья сделал вид, что его это не касается, и уткнулся в телефон.

- Лен, ты о чём вообще? - Маша вытерла рот салфеткой. - Это заведующий, не наш сокурсник. Ему тридцать шесть, между прочим.

- И что? - Лена откинулась на спинку стула. - Ты видела эти плечи? Слышала этот голос? Я бы к нему не только на планёрку ходила, честное слово. Эх, мне всегда нравились мужчины постарше…

Новый взрыв хохота.

- Вот Тася, - Лена вдруг повернулась ко мне, и внутри у меня всё сжалось. - Ты его каждый день видишь, ближе всех к нему. Скажи честно: ты бы стала отрицать, что он секси?

Пять секунд назад я думала, что ничего странного произойти, по идее, не должно было. Я ошибалась.

- Я... - открыла рот, закрыла.

Маша смотрела на меня с любопытством, Илья тоже, даже от телефона оторвался.

- Слушайте, - начала я.

И тут Маша, сидевшая напротив, вдруг замерла. Её глаза расширились, а рука с коктейлем застыла на полпути ко рту.

- Ребята, - прошептала она. - Вы не поверите.

Я обернулась, у входа в бар стоял Белов.

Без костюма, в джинсах, тёмной водолазке, которая облегала плечи. Рядом с ним был какой-то мужчина, чуть постарше, они явно зашли отдохнуть и выпить.

Белов скользнул взглядом по залу, ища свободный столик, - и встретился глазами со мной.

Секунда, другая, он чуть приподнял бровь. Узнал.

- Кажется, твой куратор сейчас подойдёт поздороваться, - прошептала Маша. - Тася, ты... ты очень красная, если что. Просто имей в виду. Ничего же такого, что мы в баре. Время уже не рабочее, мы все совершеннолетние…

Белов что-то сказал своему спутнику и направился к нашему столику. Спокойно, неспешно, лавируя между стульями.

А Лена, которая сидела ко входу спиной и вообще ничего не замечала, продолжала:

- Слушайте, а может, мне к нему подкатить? Я его соцсети тут мониторила, он, похоже, не женат. Как думаете?

И в этот момент за её спиной раздался знакомый низкий голос:

- Всем добрый вечер. Таисия Андреевна, какая неожиданность.

Лена замерла, медленно, очень медленно повернулась. Увидела Белова, стоящего в шаге от неё и её лицо сменило три оттенка красного за секунду.

За столом повисла такая тишина, что стало слышно, как бармен переворачивает шейкер на другом конце зала.

Дорошие читатели! Наш моб про настоящих мужчин продолжается!
Таня Поляк "Я давно тебя не жду": https://litnet.com/shrt/KB9I

- Отстань от меня, Мэт.

- Нет, мышка, не дождёшься. Я слишком долго этого ждал.

- А я тебя давно не жду!

- Врёшь, милая, и я тебе это докажу.

Он – лучший друг моего старшего брата. Я была влюблена в него и в какой-то момент поверила, что это взаимно. Но жестоко ошиблась.

Проходит пятнадцать лет, и мы сталкиваемся вновь. Я думала, что забыла, что всё прошло, но всего один взгляд, один поцелуй, и я пропала. Он рассчитывает на лёгкую победу? Ну уж нет, товарищ майор. За любовь порой нужно бороться.

12 глава. После бара

Константин Львович просто поздоровался со всеми, и всё. Кивнул и ушёл к своему столику, где его уже ждал тот, другой мужчина - чуть старше по виду, в светлом свитере, с лёгкой небритостью.

Они заказали что-то, и продолжили свой разговор.

- Он слышал? - прошипела Лена, и я оторвала взгляд от столика Белова, поняв, что просто сидела, и таращилась на него. - Девочки, он слышал?

- Не слышал, - уверенно сказала Маша. - Он бы как-то отреагировал.

- А он вообще умеет? - хмыкнул Костик. - По-моему, у всех заведующих эмоций - две штуки. «Нормально» и «переделать».

Все засмеялись, даже Лена, хотя всё ещё поглядывала в сторону Белова с опаской.

Вечер покатился дальше. Ребята обсуждали заведующего терапией, который, по словам Саши, «может поставить диагноз по тому, как пациент заходит в кабинет». Маша рассказывала про своего научного руководителя, который потерял анализы пациента, и обвинил в этом её. Костик травил байки из реанимации, где он проходил практику. А я сидела, смеялась вместе со всеми, даже что-то говорила, и ловила себя на том, что была словно не здесь.

Думала о вчерашнем: как он положил руку мне на плечо в машине, как сказал: «Дома меня никто не ждёт». И как сегодня утром, проходя мимо сестринского поста, спросил про отца - и в этом «ну и хорошо» мне послышалось что-то, чего, наверное, не было. Что вообще в этом можно было услышать… Ну не дура я, нет?

Один раз я всё-таки повернулась. Просто проверить - здесь ли он ещё?

Белов сидел, облокотившись на стол, и слушал друга. Водолазка обтягивала плечи. Без халата он казался... не моложе, нет, просто другим. Не только начальником, а… обычным человеком.

И в этот момент, словно специально, он перевёл взгляд и посмотрел прямо на меня.

Я отвернулась быстрее, чем успела осознать. Сердце заколотилось где-то в горле. Лена в этот момент как раз спорила с Костиком о чём-то, и я сделала вид, что очень увлечена их спором.

- Ветлугина, ты чего красная? - спросила Маша. - Тебе нехорошо?

- Душно просто.

- Ага, душно. - Маша многозначительно хмыкнула, но промолчала.

Где-то через час Белов с другом поднялись и направились к выходу. Проходя мимо нашего столика, он чуть притормозил.

- Хорошего всем вечера, ребята.

- И вам, Константин Львович! - хором отозвались все.

Дверь за ними закрылась, и почти сразу Илья глянул на часы:

- Ого, половина первого. Мне ещё до Бутово пилить, давайте сворачиваться?

Народ зашевелился. Лена, уже слегка захмелевшая, пыталась найти вторую серёжку, которую уронила под стол, Маша вызывала такси, Костик прощался - ему на метро, он жил ближе всех. Я накинула куртку и вышла на улицу, доставая телефон.

Приложение показывало, что ближайшая машина будет через двадцать минут. Пятница, час ночи, центр. Я стояла у входа в бар, пряча нос в шарф, и уже представляла, как буду греть замёрзшие руки дома.

- Таисия Андреевна.

Я обернулась. Белов стоял в паре шагов, один, без друга. Воротник его пальто был поднят.

- Вы на такси?

- Да, вызвала уже. Жду.

- Я тоже. Вы можете поехать со мной, машину сейчас долго вызвать, я уже пятнадцать минут жду, а нам с вами по пути, я до Беляево.

Я замерла с телефоном в руке. Это же действительно было недалеко от меня, минут пятнадцать.

- Если вы не против, конечно, - добавил он, заметив мою заминку.

- Я не против. Мне отменить свой вызов?

- Отменяйте.

Я отменила заказ, машина, которую вызвал Константин Львович, подъехала через пару минут. За нами приехала белая тойота: тёплый салон, водитель - молчаливый мужчина лет пятидесяти, который даже музыку убавил, когда мы сели.

Машина тронулась, и за окном поплыли огни ночного города - витрины, фонари, редкие прохожие. В салоне было тихо, как будто мы оба понимали, что находиться сейчас в одном такси, в час ночи, в пятницу - это странно.

- А кто это был с вами? - спросила я, просто чтобы не молчать. - В баре.

- Дмитрий, мой старый товарищ. Учились вместе, он сейчас заведует отделением в пятьдесят второй больнице. Редко видимся.

- Он тоже кардиохирург?

- Да. Вместе в ординатуре были когда-то давно.

Он замолчал, я смотрела в окно. Потом он вдруг спросил - буднично, без всякого перехода:

- А что за компания у вас была? Я видел, народу много, но не всех узнал.

- Ординаторы в основном. Илья, Маша – это наши, Костик из реанимации, Саша из терапии...

- Понятно. Это ваш молодой человек? Илья? Вы сидели вместе…

Я чуть не поперхнулась воздухом.

- Что? Нет! Мы вообще сегодня впервые нормально поговорили.

- Ясно.

Я уставилась в окно, чувствуя, как горят уши. Захотелось что-то сказать, но было непонятно что. Если я сейчас спрошу: «А почему вы спрашиваете про Илью?» - это будет звучать так, будто я надеюсь, что он спросил не просто так.

Такси свернуло в мой двор, и я сразу засуетилась.

- Спасибо, - сказала я, открывая дверь. - Что подхватили.

- Не за что. Доброй ночи, Таисия.

Не «Таисия Андреевна». Просто Таисия.

Я вышла, такси тронулось, увозя его дальше, а я стояла у подъезда и смотрела вслед красным габаритным огням, пока они не скрылись за поворотом.

Может, я просто нафантазировала себе того, чего нет? Ну да, наверное, всё так и было. Встретила умного, харизматичного мужчину, который общался со мной не заискивая перед папиной фамилией, и тут же «поплыла». Он, наверное, рассмеялся бы, узнай, что у меня в голове.

Хорошо, что впереди были выходные, и можно было попытаться очистить голову от всей этой чепухи. Я же сама говорила, что собиралась стать кардиохирургом, а значит, на первом месте у меня должны были быть работа и учёба. Да, точно.

Тогда я даже ещё не представляла, к чему вся эта история меня приведёт…

13 глава. Званый ужин

В субботу утром я вышла на кухню в пижаме, сонная и довольная тем, что никуда не надо. Папа уже сидел за столом с чашкой чая - мама строго следила, чтобы он пил его без сахара и вовремя принимал лекарства. Выглядел он гораздо лучше, чем в четверг, и даже брюзжал бодрее обычного.

Я налила себе кофе и села напротив.

- Тась, - сказал папа, откладывая телефон, - я тут с утра позвонил Белову.

Рука с чашкой замерла на полпути ко рту.

- Зачем?

- Поблагодарить. За то, что не бросил тебя тогда, когда мне плохо стало, что со скорой помог разобраться. Да и вообще, сколько лет не общались толком что-то. Он же мой ученик был, а я его даже не поздравил с назначением заведующим - стыдно. И вот, подумал, почему бы не пригласить человека на ужин.

Папа говорил это спокойно, буднично, как о чём-то само собой разумеющемся. А меня всю словно дёрнуло от этой новости: Белов придёт к нам домой.

- И когда? - спросила я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

- Завтра вечером. Ты же будешь дома?

- Я?.. Да, наверное. Ещё не знаю, конечно, но пока у меня планов нет.

- Вот и отлично.

Я сделала глоток кофе, он показался мне безвкусным.

Оставшуюся часть субботы я провела в странном состоянии. Вроде бы ничего особенного - ну придёт человек, ну поужинаем. Даже не я ведь пригласила! Но мысли всё время крутились в голове, не останавливаясь, вокруг того, как это будет.

Я ловила себя на том, что открывала шкаф и смотрела на свои вещи. Достала блузку - нет, слишком нарядно. Свитер - слишком буднично. Платье - вообще не по погоде.

- Ты что там ищешь сегодня целый день? - мама заглянула в комнату.

- Ничего, просто смотрю. Шкаф решила вот разобрать.

Мама покачала головой, но ничего не сказала.

В воскресенье я проснулась раньше обычного, и сразу поняла: сегодня будет странный вечер. Может, всё же надо было придумать себе какие-то планы, и свалить куда-то?

К обеду квартира уже сияла. Мама готовила что-то мясное в духовке, папа достал из серванта парадный сервиз, тот самый, который использовался в нашей семье только по большим праздникам. Я нарезала овощи для салата и старалась не думать о том, что через несколько часов здесь будет Белов, хоть это и было практически невозможно.

После обеда я всё-таки сдалась и ещё раз «перебрала шкаф». Остановилась в итоге на тёмно-синем платье - простом, но не слишком повседневном, и волосы решила не собирать в привычный пучок, а оставить распущенными. Посмотрела в зеркало - вроде нормально. Не как я бы пошла в магазин просто, но и не как на свидание, что-то среднее.

- Хорошо выглядишь, - заметила мама, когда я вышла к столу помогать с сервировкой. Сказано это было таким тоном, что я сделала вид, будто не расслышала.

Ровно в шесть вечера в дверь позвонили.

- Я открою, - сказала я тут же, и поспешила в прихожую. Уж лучше сразу встретиться лицом к лицу, понять, что я дурочка, которая что-то там себе напридумывала, и всё.

Подошла к двери, выдохнула и открыла.

Белов стоял на пороге с двумя букетами цветов в одной руке и небольшим пакетом в другой. Он был в тёмном свитере, поверх которого было накинуто пальто, выглядел солидно. Я сразу почувствовала себя ещё более глупой и юной по сравнению с ним.

- Добрый вечер, Таисия.

- Добрый... Константин Львович. Проходите.

Он шагнул в прихожую и сразу протянул мне букеты. Они были одинаковые: белые лилии, перевязанные простой лентой.

- Это вам, и вашей маме.

Я взяла цветы и на секунду забыла все слова, которые приготовила. Лилии, мне, от него…

- Спасибо, - выдавила я. - Сейчас вазу найду.

Но не успела уйти, потому что в этот момент из кухни вышла мама, и Белов тут же обратился к ней:

- Елена Михайловна, выглядите просто великолепно! – Ну вот, а мне ничего не сказал… - Я тут цветы принёс, для вас и вашей дочери...

Мама просияла от комплимента и букета, и пока она рассыпалась в благодарностях и принимала цветы, Белов достал из пакета бутылку в подарочной коробке.

- Андрей Сергеевич, - он повернулся к отцу, который как раз вышел в коридор, опираясь на трость, - а это вам. Коньяк, выдержка двадцать пять лет. Я проконсультировался с одним врачом - в небольших количествах, по праздникам, вам можно. Но если вы против, оставим до лучших времён.

Отец взял коробку, повертел в руках и довольно хмыкнул:

- Двадцать пять лет, значит. Хорош… Времени лучше у нас уже не будет! Так что каждый день будем воспринимать как тот самый! Давай, Костя, проходи, чего в дверях стоять.

- Тася, - мама тронула меня за плечо, - ты чего застыла? Поставь цветы в воду и помоги на стол всё оформить.

Я кивнула, ушла на кухню искать вазу и заодно попыталась вернуть себе самообладание. Лилии пахли одуряюще. Он принёс цветы не только маме, но и мне... Просто красивый жест?

К тому моменту, как я вышла из кухни, мужчины уже сидели в гостиной и говорили о чём-то медицинском. Папа, судя по тону, был в своей стихии - он всегда оживлялся, когда речь заходила о кардиохирургии, даже сейчас, на пенсии. Белов слушал внимательно, иногда вставлял короткие замечания, и по его лицу было видно, что он уважает отца. Не только как бывшего учителя, а как специалиста.

Мама позвала всех к столу, и вот тут началось… Стол был накрыт на четверых. Два места с одной стороны, два - с другой. Папа сел на своё привычное место - во главе стола, мама - рядом с ним. А нам с Беловым остались стулья напротив.

Я замерла. Мы должны были сидеть рядом.

Белов отодвинул для меня стул, вежливо, как любой воспитанный мужчина - и я села. Он сел рядом, я чувствовала тепло его плеча, хотя между нами было сантиметров двадцать. Мама как раз ставила на стол горячее, папа разливал по рюмкам тот самый коньяк, и никто, кажется, не замечал, что мои руки под столом дрожат.

- Ну что, - папа поднял рюмку, - за встречу. Давно надо было собраться.

- Давно, - согласился Белов.

И чокнулся с отцом. А потом чуть повернулся ко мне с едва заметной улыбкой.

- А дамы нас не поддержат?

Что-то мне подсказывало, что лучше мне было не пить алкоголь в его присутствии…

Дорогие читатели! Продолжаем знакомится с новинками литмоба!
Юлия Пылаева "Наказание для офицера": https://litnet.com/shrt/f-Kc

— Мне нужен профессионал, а не посредственный опер, — припечатывает меня с порога следователь с говорящей фамилией Сталина.

Блондинка на две головы ниже меня, которая только что построила отдел, полный мужиков.

Про посредственного опера смешно, учитывая, что я полковник, а она об этом пока не знает.

— И от вас несёт табаком за километр, — сообщает она с непередаваемым отвращением. — Как от пепельницы.

— Виноват, — прячу улыбку.

— От табачного дыма у меня мигрень, — бескомпромиссно поясняет она. — А что касается людей, которые добровольно травятся за свои же деньги, то тут у меня вопросы к их умственным способностям.

Значит, я ещё и тупой. Отличный намечается первый день в её отделе.

— Неужели вы поставили на мне крест?

— Скажем так, — она устремляет на меня строгий взгляд, который только добавляет ей красоты. — Вопросов у меня к вам больше нет.

14 глава. Коньяк, балкон и чашка чая

- А дамы нас не поддержат? - Белов чуть повернулся ко мне.

- Нет-нет, - мотнула я головой быстрее, чем сообразила, как это, наверное, нелепо и по-детски выглядит. - Я лучше компот, мне завтра на работу. Ну, в смысле, всем на работу, но мне свежая голова нужна, конспекты там... подготовиться...

Мама бросила на меня короткий взгляд поверх бокала и ничего не сказала. А папа уже разливал по второму кругу коньяк себе и Белову.

- А я поддержу, – Улыбнулась мама, тоже подставляя отцу рюмку.

- Ну и правильно, - одобрил папа. - Молодёжь нынче сознательная. Мы вот в твои годы, да, Костя?

- Андрей Сергеич, - перебил Белов с лёгкой усмешкой, - не начинайте. Я помню, как вы меня с практики выгнали за то, что я после бессонной ночи в библиотеке пришёл с запахом валерьянки. Решили, что перегар.

Папа расхохотался:

- Не помню, но охотно верю. Похоже на меня.

- Я неделю потом доказывал вам, что не пью.

Они чокнулись и выпили. Я смотрела на Белова и пыталась представить его молодым ординатором, которого мой отец чуть не выгнал с практики. Не получалось. Слишком уж он был... зрелым, и я даже не про возраст. И как будто всегда был таким.

Ужин катился своим чередом. Мамина утка удалась на славу, даже папа, который после больницы почти ничего не ел, положил себе добавки. Говорили о медицине, о новых методах, о том, как изменилась кардиохирургия за последние десять лет.

Я помалкивала и старалась не встречаться с Беловым взглядом слишком часто. Получалось не очень.

Когда с горячим было покончено, мама, как бы между прочим, спросила:

- Константин Львович, а вы, кажется, не женаты до сих пор?

Я чуть не подавилась чаем. Вопрос повис в воздухе.

Белов опустил вилку, промокнул рот салфеткой. Движения стали чуть медленнее, чем обычно.

- Нет, Елена Михайловна. Не женат.

- Такой видный мужчина, - мама всплеснула руками. - Неужели никого нет? Женщины вам должны прохода не давать!

Мне хотелось намекнуть маме, что её вопросы были несколько не тактичными, но очень уж хотелось услышать, что Белов на них ответит, поэтому я сидела, помалкивая.

- Ну, вот так сложилось, что я одиночка по жизни, - ответил Белов ровно, но я слышала, что он был слегка смущён. - Сначала ординатура, потом диссертация, потом отделение возглавил... Знаете, как это бывает: сначала говоришь «не сейчас», а потом оказывается, что прошло десять лет. Наверное, можно сказать, что я оказался женат на работе.

Он улыбнулся - вежливо, но натянуто. Я видела, как дрогнула жилка на его шее. Тема ему была не совсем приятна. А я вдруг вспомнила его слова: «Дома меня никто не ждёт». Тогда это прозвучало почти обыкновенно, а теперь...

- Да, понимаю, - кивнула мама. - Но вы всё-таки подумайте. Вы всё же ещё молоды, для мужчины это вообще не возраст. Крест на личной жизни точно ставить не стоит...

- Лен, - папа положил ладонь на мамину руку. - Оставь человека в покое.

Мама замолчала, но по её лицу было видно - она просто взяла паузу.

- Кстати, - папа перевёл разговор, и я тут же напряглась, глядя на выражение его лица. Как будто он собирался говорить обо мне. - Таська у нас тоже всё в учёбе. – Ну вот, как в воду глядела. - Никакой личной жизни. Но это даже хорошо, на самом деле.

- Пап...

- А что? Не представляю, как бы с её ухажёрами разбирался. Прибить бы хотелось сразу, наверное. Знаешь, Костя, когда у тебя дочь - это особое чувство. Приходит какой-то... - он неопределённо покрутил рукой, - какой-то хмырь, и ты должен поверить, что он её достоин.

- Андрей! - мама всплеснула руками. - Ну что ты несёшь!

- А что? Правду говорю. Кость, ты меня понимаешь?

Белов кашлянул.

- Понимаю, Андрей Сергеич. Но мне кажется, Таисия сама разберётся в своё время, кто её достоин.

- Ага, разберётся она… - папа вздохнул.

- Папа, прекращай.

- Я всё равно хочу посмотреть на этого смельчака. Потому что, если он её обидит, я за себя не ручаюсь. И пусть не смотрит, что я хожу с палочкой.

- Пап, - повторила я уже громче, - мне кажется, мы отвлеклись от темы. И у меня никаких ухажёров нет, кого ты там бить собрался?

- Да-да, засмущал девочку мою, вон, уже вся красная сидит, - мама встала, и потянулась за пустым блюдом. - Давайте-ка чай пить. Тася, поможешь мне на кухне?

Мы с мамой собрали тарелки и ушли на кухню. И пока мама заваривала свежий чай, папа предложил Белову выйти на балкон «проветриться».

Окно кухни как раз выходило туда же. Я честно не хотела подслушивать, но стояла у раковины, ополаскивала чашки, и, так получилось, что слышала каждое слово.

- Значит, квартиру купил? - спросил папа. - Двухкмнатную?

- Ну да, спальня и гостиная. Мне одному хватает.

- Одному… Знаешь, Ленка моя права так-то, каждому мужику нужна семья. Как так получилось, что ты один? Я ж помню, девчонки за тобой ходили. Ты красивый был, да и сейчас ничего.

Белов усмехнулся - коротко, сухо.

- Некогда было.

- Вот и я так же говорил. - Папа вздохнул. - Некогда, некогда, а потом - раз! - и тебе шестьдесят, ты на пенсии, давление скачет, и ты понимаешь: а ради чего всё? Ради кого? Я всю жизнь в больнице пропадал. Сутками. Ленка мне котлеты в контейнере передавала, представляешь, потому что я домой не доходил. Я думал - это важно, я спасаю людей. А знаешь, что я понял теперь?

Пауза, я почему-то перестала дышать.

- Я понял, что жизнь мимо прошла, и что были дела помимо работы важные. Понял, например, что дочь выросла без меня. Да, она выросла хорошая, умница, я ей горжусь, но я пропустил всё. Первый зуб, первая пятёрка, первый раз в первый класс - меня не было, я был на работе. И теперь, Кость...

Папин голос дрогнул, я вцепилась пальцами в столешницу рядом с раковиной.

- Теперь у меня этот диагноз. И я не знаю, сколько мне осталось. Год? Два? Пять? Больше? Врачи говорят - оптимистичные прогнозы, но я сам врач, я понимаю, что может быть по-всякому. И я думаю: а ведь я хочу ещё столько успеть. Хочу с Ленкой на море съездить - мы за тридцать лет ни разу не были. Хочу Тасю замуж выдать за хорошего человека, который её не обидит. Хочу внуков понянчить, Кость.

Я слышала, как папа замолчал, и что Белов ничего не ответил.

- Ты меня извини, - папа откашлялся. - Я не для того это всё... Не чтобы испугать, надавить, и уж тем более, не чтобы жалость вызвать. Просто слышу от тебя «некогда» - и у меня сердце кровью обливается. Потому что я тоже это проходил, и хочу, чтобы ты не повторил моих ошибок.

- Андрей Сергеич, - голос Белова прозвучал глухо, - я...

- Ничего не говори, просто подумай. Работа - это важно, да. Но есть вещи важнее. Даже если тебе кажется, что это не так.

Долгая пауза. Я стояла, уткнувшись взглядом в стену, и не могла пошевелиться. Папа никогда - никогда! - не говорил так при мне. О своём диагнозе он вообще всегда отмахивался: «Ералаш, прорвусь». А тут...

- Спасибо, - наконец сказал Белов тихо. - Спасибо, Андрей Сергеич. Я... Я подумаю.

- Подумай. А теперь пошли, а то Лена нас потеряла уже точно.

Я дёрнулась от окна быстрее молнии, и вовремя - мама как раз зашла на кухню.

- Ну, чего они там?

- Н-не слышно, - соврала я. - Просто стоят.

- Учую запах табака от папки твоего опять, прибью. Неси чашки, давай. Чай заварился уже.

Мама пошла обратно в гостиную, где был накрыт стол, в это же время мужчины вышли с балкона.

- Костя, поможешь Тасе с чашками на кухне? А то ей одной за раз не унести…

- Конечно. – Услышала я голос Константина Львовича, и его приближающиеся шаги.

Я не видела, но почувствовала, как он вошёл на кухню.

- Чем помочь?

Я резко повернулась, и не ожидала, что он стоял так близко. Чайная ложка, которую я держала в руках, выскользнула и звякнула об пол.

Мы наклонились за ней одновременно, и я врезалась лбом в его плечо.

- Осторожнее, - он выставил руку, придерживая меня за локоть, и я замерла в этом полунаклоне, почти уткнувшись ему в грудь.

Его ладонь на моём локте, тёплая, твёрдая. Мы оба застыли. Мы выпрямились, и оказалась лицом к лицу с ним. Между нами – сантиметры, его пальцы всё ещё сжимали мой локоть. Я чувствовала его дыхание, лёгкий запах коньяка и видела, как дёрнулся кадык на его шее.

- Осторожнее, - сказал он хрипло.

- Я... да.

Он не убирал руку. Я не дышала.

15 глава. Нужно отвлечься

Я почти не спала.

Всю ночь ворочалась, прокручивала в голове разговор отца и Белова на балконе, и кухню, его ладонь на моём локте. То, как он сказал «Таисия» - не «Таисия Андреевна», а просто по имени, хрипло, в полумраке кухни.

Хотя, вроде бы, там и не полумрак был вовсе, а всё это дорисовывало моё подсознание… В общем, непозволительно много я думала о своём кураторе, и каждый раз при мыслях о нём у меня внутри что-то сжималось такое, о существовании чего я раньше будто бы и не знала вовсе.

К утру я всё-таки смогла убедить себя, что ничего особенного не произошло. Просто неловкий момент на кухне, мог произойти со всеми. Ну а взгляд Белова… так они на троих почти бутылку коньяка распили, наверное, так он выглядел, когда был немного пьян.

Я ждала рабочего дня с нетерпением. Думала, почему-то, что мы с Константином Львовичем после вчерашнего перешли на какой-то другой уровень общения, он же был у меня дома, общался с родителями…

На планёрке Белов действительно обратился ко мне:

- Таисия Андреевна, - сухо, даже не глядя, - возьмите историю пациента из третьей палаты, подготовьте выписку к обеду.

И всё. Ни взгляда, ни намёка на вчерашнее. Даже тон стал другим - будто и не сидел он за нашим столом, не пил чай из маминой чашки, не слушал папины откровения на балконе.

Я даже подвисла, думала, может он так при всех просто, но дальше весь день мне казалось, что он меня избегал.

На обходе шёл впереди, говорил с медсёстрами, со старшим ординатором, с кем угодно - только не со мной. Один раз я поймала его взгляд - случайно, на секунду, - и он тут же отвёл глаза, как будто смутился.

К обеду я уже не знала, что и думать. Может, ему неловко, что он позволил себе лишнее по отношению к ординатору: пришёл в гости, расслабился, говорил о личном?

А потом, уже в конце смены, он вызвал меня в кабинет.

- Таисия Андреевна, неделя под моим кураторством прошла, как мы и договаривались. Вы думали над тем, что хотите дальше? - спросил Белов, сидя за столом. А я ведь совсем об этом забыла уже! – Всё ещё хотите перейти к Иванниковой, или…

Я стояла напротив, а Константин Львович смотрел куда-то мимо меня, потом в бумаги. Его лицо было непроницаемым.

- Я подумала, и решила остаться под вашим кураторством. Если вы, конечно, всё ещё не против.

Тишина. Он поднял глаза, всего на секунду в них мелькнуло что-то, но тут же исчезло.

- Не против, разумеется.

И снова отвёл взгляд. Я не понимала, что происходит. Почему он так напряжён? Почему не может на меня даже смотреть? Я что-то делала не так?

В этот момент дверь кабинета распахнулась без стука.

На пороге стояла женщина лет тридцати пяти, эффектная, в облегающем платье и с идеальной укладкой. Я раньше её не видела. Она скользнула по мне равнодушным взглядом и тут же перевела всё внимание на Белова.

- Кость, ну что? Мы идём? Ты обещал мне ужин.

Я замерла. Ужин? Белов позвал кого-то на ужин?

Он медлил секунду, не дольше, потом встал:

- Иду. Таисия Андреевна, в общем-то мы закончили. Значит, до завтра.

Я развернулась и вышла, даже не прощаясь. Проходя мимо женщины, вдохнула запах дорогих духов. За спиной хлопнула дверь, и я услышала её смех, низкий, уверенный.

В ординаторской села на стул и тупо уставилась в стену. Значит, вот как.

Я тут напридумывала себе бог знает что просто потому, что он придержал меня за локоть на кухне, а у него свидание… И на меня он не обращал целый день внимания, наверное, потому что просто думал о другом. На мне свет клином не сошёлся.

Какая же я дура.

Константин

Я смотрел на закрывшуюся дверь и думал о том, что надо было не спрашивать Таисию о том, что она хочет, а просто перевести к Иванниковой. Так было бы правильнее и лучше для всех.

- Красивая девочка, - заметила Вероника, поправляя волосы. - Новенькая?

- Ординатор, - отрезал я. - Идём.

Я помог ей надеть пальто. Она что-то щебетала про ресторан, про то, как давно я не звонил, про то, что уже и не надеялась. Я не слушал, я думал о Таисии.

О том, как не мог на неё смотреть всё утро, потому что вчера вечером, вернувшись домой после ужина у Ветлугиных, я не спал до трёх ночи.

Лежал в постели и прокручивал в голове кухню, её локоть в моей ладони, её дыхание так близко, что я чувствовал тепло на своей шее. Я думал о ней, и моё тело, истосковавшееся по женской ласке, реагировало соответственно. Я позволил себе то, чего не позволял уже давно: думать о женщине, представлять её, желать её. Руки жили своей жизнью, забираясь под одеяло…

Когда всё закончилось, меня накрыло стыдом. Таким жгучим, удушающим стыдом, какого я не испытывал с юности.

Она - дочь Андрея Сергеича, почти на пятнадцать лет младше. Она - мой ординатор, в конце концов.

Я не имел никакого права думать о ней, как о женщине. Это просто физиология, просто тело, уставшее от одиночества. Просто надо отвлечься, и всё пройдёт.

Поэтому утром я позвонил Веронике. Она давно строила мне глазки, приглашала то на кофе, то на конференцию. Ровесница, разведена, не питала особых иллюзий на мой счёт. Мы были знакомы много лет. И она была подходящей. Правильной.

- Кость, ты меня вообще слушаешь? - Вероника дёрнула меня за рукав.

- Да. Конечно.

Мы вышли из кабинета. Пока шли по коридору к лифту, я поймал себя на том, что искал глазами Тасю, но её уже не было.

Отвлёкся на Веронику, которая что-то говорила, смеялась, прижималась плечом. Она была красивая, ухоженная, но я ничего не чувствовал. Вообще.

Ничего, это пройдёт, надо просто отвлечься.

16 глава. Кофе с другим

Таисия

В ординаторскую кто-то заглянул, кажется, из медсестёр, но я даже не обернулась. Через минуту шаги стихли и я снова осталась одна.

Ладно. Хватит.

Я встала, стянула халат, бросила в шкафчик. Джинсы, свитер. Руки двигались резко, зло, молния заела, я дёрнула слишком сильно, зубчики разошлись. Пришлось исправлять, и от этого я стала ещё раздражённее.

Какая же я дура. Какая невероятная дура.

Схватила пальто, сумку. В коридоре накинула пальто на ходу, застёгивая пуговицы криво, через одну. Плевать.

Толкнула тяжёлую дверь центрального входа, октябрьский ветер ударил в лицо, и я наконец выдохнула.

- Тася!

Я обернулась. Илья, ординатор из нашего отделения, который вместе с Машей пригласили меня в бар в пятницу. Высокий, светловолосый, с вечной улыбкой, от которой у половины медсестёр подкашивались ноги.

- Ты куда так летишь как на пожар?

- Устала, домой хочу.

- Я тоже. - Он пристроился рядом. – Весь день тебя не видел. Заведующий тебя совсем загонял?

- Да нет, нормально всё.

Мы спустились по ступенькам, и я уже хотела попрощаться и нырнуть в сторону метро, когда Илья вдруг присвистнул:

- Ого! Кажется, у кого-то сегодня свидание.

Я проследила за его взглядом.

Парковка для сотрудников, машина Белова, и он сам - открывает пассажирскую дверь для девушки, которая зашла за ним в кабинет. Она садится, поправляя волосы, а он захлопывает дверь и обходит машину.

У меня внутри всё рухнуло куда-то вниз.

- Знаешь её? - спросила я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

- Веронику-то? Ну так, шапочно. У меня мама тоже медик, я по стопам пошёл, можно сказать, и Вероника с мамой общались когда-то. Она завотделением терапии из пятого корпуса. Насколько я знаю, разведена, и Белов холостой. Вроде даже встречались когда-то, или я с кем-то их путаю...

Встречались. Ну, конечно. А я-то, дура, думала - он одинокий. «Дома меня никто не ждёт». Может, и не ждёт, но это не мешает ему ходить на свидания с красивыми разведёнными завотделениями, которые подходят ему по возрасту и статусу.

Машина выехала с парковки. Я проводила её взглядом и почувствовала, как к горлу подкатывает что-то горькое.

- Слушай, - Илья тронул меня за локоть, - ты на метро? Давай подвезу. У меня всё равно планов никаких на вечер.

Я хотела отказаться, но перед глазами стояла картинка: Белов открывает дверь перед этой Вероникой.

- Давай, - сказала я. - Подвези.

Мы сели в его старенькую «тойоту», в которой пахло каким-то дешёвым ароматизатором. Илья болтал без умолку про вредную старшую медсестру, про то, как его пёс съел его же галстук. Я кивала, но почти не слушала.

Машина вдруг свернула к обочине и остановилась.

- Ты чего?

- Кофе, - объявил Илья, заглушив мотор. - Ты вся бледная, ещё в обморок упадёшь, а мне потом отвечай. Тут классная кофейня, у них пирожные - пальчики оближешь.

- Илья, я домой хочу...

- А я тебя домой не повезу, пока ты не съешь эклер. У меня мама врач-эндокринолог, между прочим, я знаю, что говорю. Низкий сахар, стресс, переутомление - узнаю эти лица.

Я вздохнула и сдалась.

В кофейне было тепло, пахло корицей, и, надо было признать, пирожные на их витрине выглядели действительно заманчиво. Илья заказал два латте и четыре эклера «на пробу», мы сели у окна.

- Ну, рассказывай, - сказал он, придвигая ко мне тарелку.

- Что рассказывать?

- Что у тебя случилось, что ты так устала и явно грустишь.

Я откусила эклер: крем был нежный, ванильный, и на секунду мне стало чуть-чуть легче.

- Просто устала.

- Ага, устала. - Илья усмехнулся, но допрашивать не стал. И за это я была ему благодарна.

В итоге, мы просидели в кофейне почти час. Илья травил байки, я даже пару раз улыбнулась. Он был хороший, правда, хороший. Лёгкий, с ним не надо было ничего изображать, но когда его колено случайно коснулось моего под столом, я не почувствовала ровным счётом ничего. Не то что на кухне, когда одна ладонь Белова на моём локте выбила из меня весь воздух.

Домой получилось, что вернулась поздно. Папа уже спал, мама читала в гостиной и только бросила на меня короткий взгляд поверх очков:

- Всё хорошо?

- Да, мам. Всё отлично.

Я ушла в свою комнату, упала на кровать и от нечего делать открыла телефон.

И замерла.

Илья выложил фото, которое я даже не заметила, когда он сделал. Мы вдвоём в кофейне: я с эклером в руке, смотрю на него, он с улыбкой на меня, всё это на фоне окна. И подпись: «Спас голодающего ординатора.».

Под фото уже было два десятка лайков и комментарии, в том числе и от наших: «Илюха, кого это ты там охмуряешь?», «Тася, берегись, он бабник!».

Первым порывом было позвонить Илье, и попросить удалить фото. Я даже набрала его номер, а потом остановилась.

Перед глазами всплыла Вероника, её рука на локте Белова, её смех.

Значит, у него своя личная жизнь? А у меня - своя.

Я сжала зубы и вместо того, чтобы попросить удалить фото, нажала «Поделиться». Репост на мою страницу, без комментариев. Просто - пусть видят.

Телефон пиликнул уже через минуту. Илья в личку: «Ого, ты сделала репост! Это что-то значит? :)»

Я не ответила, потому что единственный человек, от которого я ждала реакции, сейчас ужинал с другой женщиной, и ему было всё равно до моих таких вот детских проделок.

Продолжаем знакомство с литмобом!

Ольга Тимофеева "Не та партия для офицера": https://litnet.com/shrt/HvJl

– Агата Сергеевна, вы считаете, что сможете его защитить?

– Это моя работа, Шахов. Защищать тех, кого вы заранее считаете виновными.

– Даже когда вина очевидна?

– Вы сначала докажите, что он виновен. А потом поговорим.

После смерти мужа следствие установило, что моей вины в аварии нет. Только мой родной город с этим не согласился. Для них я женщина, которая убила мужа и сумела избежать наказания.

Поэтому я уехала туда, где никто не знает моего прошлого, сменила специализацию и начала все сначала. Я решила родить для себя и больше не впускать мужчин в свою жизнь.

Особенно таких, как Платон Шахов. Офицер. Военный прокурор, который привык выигрывать и терпеть не может, когда ему перечат. А после развода для женщин в его жизни осталось место только в постели

Мы не просто плохая партия. Мы вообще не партия друг для друга. Но ход e2–e4 он сделал первым, предложив мне кое-что совершенно “непристойное”.

17 глава. Спас голодающего ординатора

Константин

Ресторан я выбрал не глядя, первый приличный по дороге. Вероника говорила про какое-то новое место, я ответил, что мне без разницы, и по её лицу понял, что ответ был неправильный.

Она рассказывала про ремонт в своём отделении, про конференцию, на которую её не отпустили, про бывшего мужа, который снова женился, причём на женщине моложе её на десять лет.

- И знаешь, что самое смешное? - Вероника отпила вина. - Она архитектор. Он всю жизнь говорил, что терпеть не может творческих.

Я кивнул в нужном месте. Потом ещё раз, уже не очень уверенный, что место было нужное.

Три раза за вечер я посмотрел на часы под столом. На третий раз она это заметила.

- Кость, - сказала Вероника, отодвигая тарелку. - Ты меня вообще слушаешь?

- Слушаю.

- Врёшь.

Спорить было бессмысленно.

Я довёз её до подъезда, заглушил двигатель и понял, что если промолчу сейчас, то завтра всё придётся начинать сначала. А начинать я не собирался.

- Я зря тебе позвонил утром.

Вероника медленно повернулась ко мне. Свет от фонаря лежал на её лице ровной полосой, и я видел, как она собирается: сначала обида, потом что-то более взрослое.

- Мы даже до десерта не дошли, - сказала она. - Ты не хочешь сначала попробовать? Поднимемся на кофе?

- Не хочу. Я позвонил, чтобы отвлечься, а ты не заслуживаешь быть способом отвлечения.

- Надо же. - Она усмехнулась, но глаза остались серьёзными. - Обычно мужчины в такой ситуации поднимаются на кофе, потом молчат месяца два, а потом просто перестают брать трубку. А ты, значит, у нас всё же из благородных…

- Я не умею молчать по два месяца.

- Знаю. Поэтому и согласилась с тобой на ужин. - Вероника взялась за ручку двери, потом остановилась. - И как её зовут?

- Никак.

- Ага.

Она вышла, хлопнула дверью и наклонилась к открытому окну.

- Спокойной ночи, Кость. Звони, когда твоё «никак» уйдёт в прошлое.

Я приехал домой, лёг и до половины третьего смотрел в потолок, и это, если честно, ужасно раздражало, особенно потому, что было вторую ночь подряд.

На работе я был в десять минут восьмого. До ежедневной планёрки оставалось меньше часа, и я пошёл на сестринский пост подписать ночные назначения.

У поста стояли трое ординаторов: Соколова, какая-то девочка из терапии и Никитина. Они смотрели в телефон и смеялись так, как смеются, когда обсуждают своих.

- Ой, - сказала Соколова, увидев меня, и телефон уехал в карман халата со скоростью, которой позавидовал бы фокусник.

- Соколова, где карта из четвёртой?

- Сейчас принесу, Константин Львович.

Она метнулась в ординаторскую, и в этот момент телефон вылетел из её кармана и шлёпнулся экраном вверх мне под ноги. Я наклонился и поднял его.

Экран ещё не погас.

Фотография в чьей-то ленте: кофейня, окно, деревянный стол. Илья Крылов сидел вполоборота и улыбался. Напротив него с пирожным в руке сидела Таисия, смотрела на него и смеялась, и волосы у неё были распущены, чего я в отделении ни разу не видел.

Подпись под фотографией: «Спас голодающего ординатора».

Под ней два десятка отметок и комментарии, из которых я успел прочитать один: «Илюха, кого это ты там охмуряешь?»

И ниже, мелким шрифтом, строчка, которую я тоже успел прочитать. Что записью поделилась Таисия Ветлугина.

Я вернул телефон Соколовой.

- Уронили.

- Спасибо. - Она стала пунцовой. - Константин Львович, это не...

- Карта из четвёртой.

Она убежала.

Я расписался в трёх листах назначений и не помнил ни одной строчки из того, что подписывал.

Дальше день пошёл криво, и виноват в этом был только я.

Планёрка началась в восемь. Врачи, дежурная смена, десять ординаторов, у половины из которых я до сих пор путал фамилии.

Передо мной лежала стопка выписных эпикризов - за вчерашний день и за ночь их накопилось одиннадцать. Подписывать их моя работа, и вернуть документ с замечанием я имел право любому в этом отделении.

Порядок при этом простой: если ошибку допустил чужой ординатор, замечание идёт его куратору, потому что у Ильи Крылова был Соболев, у Никитиной - Иванникова, и разбирать чужую работу через голову куратора - надёжный способ развалить отделение за полгода.

Но про этот порядок я в то утро вспомнил примерно на минуту позже, чем следовало.

Выписка Ильи Крылова лежала второй. Дата выписки стояла неправильная, а это документ, а не мелочь. Я отложил лист в сторону Соболева и ничего не сказал вслух, но еле сдержался.

Выписка Ветлугиной лежала четвёртой. Она была хорошая, но я нашёл, к чему придраться за двадцать секунд.

- Ветлугина. Рекомендации по режиму нагрузок вы переписали из шаблона.

- Не переписала, я...

- Здесь сказано «умеренная физическая активность». Пациенту шестьдесят восемь лет, он живёт на пятом этаже без лифта. Что означает для него умеренная активность?

Таисия открыла рот и закрыла.

- Я уточню.

- Уточняйте до того, как отдаёте документ мне.

Кто-то кашлянул. У Крылова, сидевшего у окна, было такое лицо, будто он собирается что-то сказать, и очень хорошо, что не сказал.

Я отложил лист Таси и перешёл к операционному дню.

- Завтра протезирование клапана в девять. Бригада прежняя. Ассистирует Никитина. Ветлугина остаётся в отделении на историях.

Вот тут в ординаторской стало тихо.

Я сам поставил её на эту операцию неделю назад, сам ей сказал, что она пойдёт вторым ассистентом и будет стоять на крючках, и я помнил, как она тогда обрадовалась, хоть и старалась не показывать.

Никитина растерянно посмотрела на Тасю, а та не смотрела ни на кого.

- Хорошо, Константин Львович.

Ни одного лишнего слова. Ни вопроса, ни обиженного взгляда, ни этой её манеры вскидывать подбородок, когда она собирается спорить.

Просто «хорошо».

Планёрку я закончил на десять минут раньше обычного, и люди вышли слишком быстро, как выходят из комнаты, где только что что-то произошло.

Иванникова, хирург моего отделения, осталась. Она собирала свои бумаги в стопку неторопливо, и я по опыту знал, что означает эта неторопливость.

- Марина Евгеньевна, говорите уже.

- Ты был к ней несправедлив.

- Она принесла сырую выписку.

- Выписку она сделала лучше всех. - Иванникова выровняла стопку о стол. - А главное, Костя, Илье Крылову ты замечание не сделал. Отложил лист Соболеву и промолчал, как и положено, а Ветлугину отчитал вслух при всём отделении. Разницу заметили все, даже те, кто не хотел.

- Ветлугина мой ординатор, я с неё и спрашиваю.

- Со своих спрашивают наедине. При всех своих защищают. - Она посмотрела на меня поверх очков. - И операцию ты у неё забрал не за выписку.

Я молчал.

- Я не лезу в твою работу, - сказала она уже мягче. - Но я пятнадцать лет смотрю, как ты работаешь. Ты не срываешься на людях. Никогда. А сегодня сорвался, причём демонстративно и на планёрке.

- Я услышал.

- Хорошо, если услышал. - Она пошла к двери и уже оттуда добавила: - Девочка через час перестанет злиться и тогда наступит этап номер два: будет думать, что она бездарность. Ты это знаешь лучше меня.

Дверь закрылась.

Я сидел за столом, смотрел на выписку с моей же пометкой на полях и наконец назвал вслух, про себя, то слово, которое обходил кругами с того самого момента, как подхватил телефон Соколовой.

Ревность.

Мне тридцать шесть лет. Я заведую отделением, в котором тридцать четыре человека. Вчера вечером я сказал взрослой женщине правду о том, что нам не стоит продолжать строить отношения, потому что считал, что использовать людей подло.

А утром снял ординатора с операции за то, что она ела эклер с другим ординатором.

Дальше был обычный день, в течение которого я четыре раза собирался пойти к Ветлугиной и четыре раза находил себе дело поважнее.

К шести дел не осталось.

Я не собирался ничего объяснять, объяснять было нечего. Я собирался вернуть ей операцию и сказать, что решение было ошибочным, и что причина не в её работе. Этого хватило бы.

Она была в конце коридора, у окна между отделением и лестницей. Уже без халата, с сумкой на плече.

Рядом с ней стоял Крылов.

Он что-то говорил ей, наклонившись близко, и держал в руке её телефон, показывая ей экран.

Я остановился шагах в двадцати, поэтому не слышал, что он ей сказал.

Зато услышал, как она засмеялась.

А за неделю рядом со мной она не смеялась ни разу.

Дорогие читатели! Продолжаю знакомить вас с новинками литмоба!

Кара Райр "Воровка для офицера": https://litnet.com/shrt/dnZ8

— Арестуете меня? — спрашиваю я, глядя в глаза человеку, которому только что исповедалась во всем, что натворила.

— Я что, по-твоему, совсем исчадие ада? — Кравцов смотрит на меня искоса.

— Ну, как минимум плохой коп.

Жизнь вынудила меня совершить кражу. И я об этом еще очень пожалею.

Я мало того что не спасла брата, так еще и поставила под удар много хороших людей. Но это будет после.

А пока мне нужно втереться в доверие к майору Кравцову — человеку, к которому я при других обстоятельствах даже близко подходить не стала бы.

И начать я решаю с простого.

— Поберегись! — выкрикиваю я, врезаясь в него на самокате.

Он каким-то чудом остается на ногах, а я распласталась на асфальте и мысленно прощаюсь со свободой.

Мужчина наклоняется ко мне и хмурится:

— Девушка, с вами все в порядке?

А я даже не знаю, что ответить…

— Пока да...

18 глава. Причина

Таисия

Из ординаторской я вышла на негнущихся ногах.

«Ветлугина остаётся в отделении на историях».

В ушах до сих пор звенело. Все смотрели на меня - и я чувствовала их взгляды спиной, плечами, затылком. Маша Никитина оглянулась с растерянным лицом, как будто случайно заняла чужое место и не знала, можно ли с него встать, Соколова уткнулась в бумаги, Илья сидел у окна и, кажется, хотел что-то сказать, но промолчал.

И правильно. Нечего тут говорить.

Я ведь сама виновата. Выписка действительно была сырая - шаблонные фразы, кто так пишет? Он правильно заметил: «умеренная физическая активность» для старика с пятым этажом без лифта… Я должна была подумать, переписать, а я неслась на планёрку, уверенная, что всё сделала хорошо.

Вот и результат.

К десяти часам я успела убедить себя в трёх вещах. Первое: Белов с самого начала сомневался, стоило ли брать меня под кураторство. Второе: вчерашний ужин у нас дома был жестом вежливости, не больше. Третье: сегодня он наконец увидел мой реальный уровень - и разочаровался. Поэтому и смотрел всё утро мимо, поэтому и снял с операции.

До обеда я держалась на том, что дел было много и думать было некогда. В половине второго меня выловила Маша.

- Тась, пойдём в буфет, - Маша Никитина поймала меня у ординаторской. - У меня десять минут есть свободных, если у тебя тоже...

- Маш, если ты по поводу операции хочешь поговорить, всё нормально.

- Ага, я вижу, как нормально. Пошли.

В буфете Маша взяла два чая и села напротив, обхватив свой стакан обеими руками.

- Я не просила меня ставить, - сказала она сразу. – Надеюсь, ты понимаешь. Я узнала вместе с тобой, я бы так не поступила.

- Маш, я знаю. Я на тебя и не думала.

- Просто решила, что надо проговорить это вслух, чтобы без обид. - Она отпила чай и поморщилась. - Слушай, я не понимаю… Тебя Белов при всех разложил за какие-то нагрузки, а Илье вообще ничего не сказал, отложил его лист Соболеву, и всё.

- Ну, во-первых, он мой куратор, а Илью Соболев должен за ошибки отчитывать. Ну и, наверное, у Ильи ошибка мельче.

- Тась, я видела, у него неправильная дата выписки, посерьезнее твоего.

Я пожала плечами и стала смотреть в окно. За стеклом моросило, октябрь никак не мог решить, дождь у него сегодня или туман, и от этого весь двор больницы выглядел размытым, как плохая фотография.

- Наверное, Константин Львович думает, что я не тяну, - сказала я.

- Чего?

- Он неделю меня возил на консультации, проверял задания, взял на операцию, а теперь передумал. Значит, присмотрелся за это время и понял, что зря.

Маша поставила стакан.

- Ветлугина, ты сейчас серьёзно?

- Не похоже?

Она наклонилась ко мне через стол.

- Ты у нас единственная, кто на планёрке записи ведёт. Ты за неделю выписок написала больше всех.

- Ну, других причин я не вижу просто, а это звучит логично.

- Звучит как бред.

Она посмотрела на часы, ругнулась и убежала, а я осталась допивать остывший чай.

А потом был обход, и Белов прошёл мимо меня, даже не взглянул, и от этого стало совсем плохо. Лучше бы наорал, даже если снова при всех. Что угодно, только не это молчание, как будто я пустое место.

К концу смены просто хотелось уйти. Переоделась, схватила сумку и направилась к выходу, но у окна между отделением и лестницей меня догнал Илья.

- Эй, ну ты чего? - Он встал напротив и заглянул в лицо. - Ну сняли с операции, с кем не бывает. Да и вернёт он тебе эту операцию, вот увидишь.

- Ничего он не вернёт.

- Вернёт. Снежный мужик суровый, но справедливый. Мама говорит, он лучший завотделением в центре. Да и если б ты была бездарностью, он бы тебя курировать не взялся.

Я пожала плечами, Илья вздохнул и полез в телефон.

- Смотри, что пишут под фото, - он сунул мне экран под нос. - «Илюха, когда свадьба?»…

Я невольно улыбнулась, глядя на экран. Комментариев собралось уже три десятка, и половина из них была от наших общих знакомых.

- Вот, другое дело, - сказал Илья. - Улыбаешься. Сразу такая милая…

Я подняла глаза, и замерла.

В конце коридора, шагах в двадцати, стоял Белов. Без халата, в рубашке с закатанными рукавами, как будто собирался уходить, но остановился. Смотрел на нас.

Всего секунду. Потом развернулся и пошёл обратно.

- Ого, - тихо сказал Илья. - Кажется, Снежный реально сегодня не в духе.

- Кажется, - выдавила я.

Константин

В кабинете я сел за стол и уставился в стену.

Напротив висел диплом о высшем образовании и грамота за пятнадцать лет безупречной работы. Безупречной. Я усмехнулся. Сегодня я опозорился перед всем отделением, и ладно бы только это - я опозорился перед ней.

Иванникова правильно сказала: «со своих спрашивают наедине, при всех своих защищают». Я поступил как последний идиот - при всех, демонстративно, по надуманному поводу отчитал Тасю, а потом ещё и операцию забрал.

Из-за чего? Из-за эклера? Из-за того, что она сидела с Крыловым вчера и смеялась?

Мне тридцать шесть лет, а я вёл себя как мальчишка.

Дверь открылась без стука, снова Иванникова.

- Я думала, ты подойдёшь к ней.

- Подойду.

- Когда?

Я промолчал. Иванникова вздохнула и села на стул напротив.

- Костя, я тебя много лет знаю. Ты не срываешься на людях, а если срываешься - значит, дело не в работе. Я не спрашиваю, что происходит, это не моё дело. Но если ты сейчас не пойдёшь и не поговоришь с девочкой, всё отделение, включая ординаторов, будет думать, что ты с дуба рухнул. Ветлугина самая старательная из всего молодняка, и все это понимают.

- Я знаю.

- Тогда какого чёрта ты сидишь здесь?

Она была права. Я встал.

Тася всё ещё стояла там, одна, Крылова уже не было. Я подошёл ближе, и она обернулась.

- Ветлугина. - Я остановился в шаге от неё. - Завтра протезирование клапана… Вы будете вторым ассистентом. Моё решение на планёрке было ошибочным, ваша работа тут ни при чём.

Она молчала. Смотрела на меня и молчала, и в этом молчании было что-то, от чего мне стало не по себе.

- Хорошо, - сказала она наконец. Потом чуть подняла подбородок, и спросила: - А в чём тогда причина?

В коридоре было тихо, где-то далеко хлопнула дверь, загудел лифт.

Я смотрел на неё, на распущенные волосы, которые видел второй раз в жизни, на подбородок, который она вскидывала, когда собиралась спорить, на глаза - она не отводила взгляд, ждала.

- Это не имеет отношения к вашей работе. Больше не повторится.

- Я не понимаю...

- Идите домой, Таисия.

19 глава. Не смейте молчать

Таисия

- Ты чего не ешь? - спросил папа.

Я посмотрела на свою тарелку и обнаружила, что за десять минут раскрошила гренку в труху, но в рот не отправила ни кусочка.

- Не хочется.

- Тась…

- Правда не хочется, пап.

Он отложил телефон и посмотрел на меня внимательно, тем самым взглядом, после которого в детстве ты понимал, что было бесполезно дальше врать про разбитую вазу.

- У тебя сегодня что-то важное ожидается?

Врать было бесполезно и сейчас.

- Протезирование клапана. Я буду вторым ассистентом.

Папа замер с чашкой в руке, потом поставил её на стол, аккуратно, двумя руками, потому что одной у него уже не всегда получалось.

- Значит, первая операция?

- Первая.

- Вот ведь партизанка, и ничего не сказала даже, - заворчал он.

Мама, которая до этого гремела чем-то у плиты, обернулась и ничего не сказала. Просто встала рядом с папиным стулом и положила руку ему на плечи.

- Так, - папа выпрямился. - Слушай сюда, две вещи. Первое: тебя будут держать на крючках, и это скучно ровно до того момента, пока не станет тяжело. Не смотри на часы, смотри в рану. Второе, и это важнее.

Он подождал, пока я подниму глаза.

- Если тебе станет плохо, ты говоришь вслух, сразу. Не через пять минут, не когда потемнеет в глазах, а сразу. Такое может быть вообще легко.

- Пап, да всё нормально будет.

- Все так думают. Я тоже так думал в семьдесят каком-то году и чуть не завалился прямо на операционное поле. Тася, там не про тебя вопрос, там пациент лежит вскрытый. Молчащий ассистент опаснее криворукого.

- Хорошо, я поняла.

- Ничего ты не поняла, - вздохнул он. – Но я хотя бы предупредил.

За час до начала операции я, кажется, успела перевязать шапочку раз пять.

Когда заходила в предоперационную, меня слегка потряхивало, но я как могла старалась настраиваться на позитив. Встала к крайней раковине и начала мыть руки так, как нас учили: кисти выше локтей, вода уходит вниз, к локтям, и возвращаться ею наверх уже нельзя.

Ногти, пальцы, между пальцами, тыл кисти, ладонь, запястье, предплечье.

Я успела дойти до предплечья, вернуться к пальцам и начать всё заново, когда рядом кто-то открыл соседний кран.

- Ну что, готовы к своей первой операции?

Оборачиваться с поднятыми руками было бы глупо, да и голос я узнала бы из тысячи.

- Готова.

- Задача у вас одна: экспозиция. - Белов говорил спокойно, словно о чём-то незначительном, а не об опыте, который я буду вспоминать потом всю оставшуюся жизнь. - Что бы ни происходило дальше, вас касается только одно: чтобы я видел поле. Не додумывайте, не помогайте, инициативу не проявляйте. Держите.

- Хорошо.

- И перестаньте тереть один и тот же палец. Вы его минуту трёте уже, кожу сдерёте.

Я посмотрела на свои руки и обнаружила, что он прав.

В операционной было холодно и светло. Мы вошли вместе, и дальше меня одевали, как маленькую: сестра подала халат, кто-то затянул завязки у меня за спиной, на руки натянули перчатки. Я впервые в жизни стояла в стерильном и боялась пошевелить даже локтями.

На столе лежал Савельев Виктор Петрович, шестьдесят три года, тяжёлый аортальный стеноз. Тот самый Савельев, по которому у меня было задание в первый день здесь.

Сейчас он спал, и от «целого человека» был виден лишь жёлтый от антисептика прямоугольник кожи посреди белья.

Первым ассистентом стоял Соболев, он единственный кивнул мне. Белов встал напротив, и это был теперь словно другой человек, крайне сосредоточенный.

Анестезиолог назвал давление, Белов кивнул. Сестра переставила лоток на пять сантиметров, и он кивнул снова.

- Начинаем.

Я всю ночь боялась первых минут. Думала, что меня замутит, что я отвернусь, что опозорюсь ещё до того, как от меня хоть что-то потребуется.

Ничего этого не случилось.

Случилось другое: я смотрела на руки Константина Львовича, и не могла оторваться. Он не делал ни одного лишнего движения, вообще ни одного, и от этого происходящее переставало быть страшным. Так бывает в самолёте, когда трясёт, а стюардесса спокойно разносит еду, и ты вдруг понимаешь, что всё нормально.

А вот дальше время словно сломалось.

Первый час я вообще не понимала, где нахожусь. Мои руки держали крючки, и я вцепилась в это действие как в спасательный круг: тянуть ровно, не двигаться, не дышать в поле.

Потом подключили аппарат, и в операционной наступила такая тишина, которой я не слышала нигде и никогда. Сердце этого человека сейчас не билось, вместо него работала машина в углу, и все в комнате считали это нормальным.

- Ветлугина.

Я вздрогнула.

- Смотрите. - Белов чуть подвинулся, освобождая мне обзор. - Второй раз вы такое увидите нескоро.

Я посмотрела и не сразу поняла, на что.

- Клапан должен открываться и закрываться, - сказал он ровно, не отрываясь от работы. - Этот не делает ни того ни другого уже года три. Именно поэтому человек поднимался на свой этаж и терял сознание. Через десять минут этого здесь не будет.

Работал Белов долго и очень мелко, в какой-то момент я поймала себя на том, что смотрю уже не в поле, а опять на его руки. Красивые такие руки, и работали спокойно и уверенно.

На втором часу я перестала чувствовать свои пальцы.

Это было не больно, просто руки стали чужими, как будто я держала крючки не своими кистями, а какими-то деревянными протезами. Плечи горели, между лопатками текло, маска липла к лицу. Я переступила с ноги на ногу и подумала, что если сейчас скажу вслух, что мне тяжело, то Белов точно решит, что я не тяну. Я и так чуть не пропустила операцию по неведомым мне причинам.

Конечно, папино «говори сразу» всплыло в голове, но было немедленно оттуда выставлено.

На третьем часу ставили протез.

Стежок, узел, стежок, узел, и всё это время моё поле должно было стоять неподвижно, потому что миллиметр туда или сюда - и он не увидит, куда идёт игла.

Я честно держала, и оставалось, наверное, стежков десять, когда правая кисть просто перестала меня слушаться. Крючок пошёл вниз на сантиметр, может, полтора, и поле закрылось.

- Крючок! - Голос Белова хлестнул по операционной. - Ветлугина, держать!

Я вернула. Мгновенно, рывком, и в ту же секунду мне стало так стыдно и так страшно, что руки заработали сами, будто их снова подключили к сети.

Никто не посмотрел в мою сторону. Ни Соболев, ни сестра, ни анестезиолог, вообще никто, все продолжали делать своё дело, и от этого было ещё хуже. Я накосячила.

Белов не сказал больше ни слова, просто продолжил шить.

А потом сердце не завелось.

Его нужно было запустить обратно, а оно не запускалось. Монитор запищал, цифры поехали, и я почувствовала, словно останавливается моё собственное.

- Фибрилляция, - сказал анестезиолог.

- Разряд.

Белов коротко скомандовал, и все на секунду отняли руки.

Толчок.

Я не дышала целую вечность, а на самом деле, наверное, секунды две. Потом цифры на мониторе выровнялись.

- Синусовый, - сказал анестезиолог.

- Хорошо, - ответил Белов и как ни в чём не бывало продолжил.

Я стояла, продолжала держала крючки, и мне хотелось то ли сесть на пол, то ли заплакать, то ли и то и другое сразу. Никто, кроме меня, ничего особенного как будто и не заметил.

Мы «закрывались» ещё сорок минут. Я держала крючки до последнего и, кажется, к концу уже не понимала, где заканчиваются мои руки и начинается металл.

Наконец, всё закончилось.

Я вышла в предоперационную, стянула маску, стянула шапочку, волосы рассыпались по плечам, потому что резинка за четыре часа съехала и держалась на честном слове.

Руки тряслись. Не немного, а по-настоящему, крупно, и я никак не могла заставить их перестать. Я сунула их под воду и стояла, глядя, как вода уходит в слив.

Дверь открылась за спиной.

- Ветлугина…

Я не обернулась. Мне было всего двадцать три года, и я только что впервые в жизни увидела, как человеку меняют клапан, и я не могла обернуться, потому что у меня дрожал подбородок от сдерживаемых слёз то ли от усталости, то ли от радости, что операция закончилась успешно, то ли от своего косяка во время неё.

Белов подошёл к соседней раковине, включил воду и начал мыть руки, не глядя на меня.

- Как давно вы перестали чувствовать кисти?

Я молчала.

- Ветлугина.

- Часа полтора назад, - сказала я в раковину.

- Полтора часа. - Он закрыл кран. - И сказали вы об этом ноль раз.

- Я думала, что дотяну до конца.

- Вы дотянули. - Он повернулся ко мне, и я всё-таки посмотрела на него. - Если бы не дотянули, крючок ушёл бы не на сантиметр, а на пять, и ушёл бы он в ту секунду, когда у меня в руках была игла. Вы понимаете, что было бы дальше?

Я кивнула.

- Скажите вслух.

- Понимаю.

- Теперь запомните на всю жизнь. - Он говорил негромко, и это было хуже, чем крик. - Если вам плохо, вы говорите об этом немедленно. Не через полтора часа, не когда потемнеет в глазах. Немедленно. Вас заменят, поставят другого, и на этом всё закончится. Молчащий ассистент опаснее криворукого.

Я стояла, держалась за край раковины и думала о том, что сегодня утром ровно эту фразу мне сказал мой отец. Слово в слово.

- Я поняла, Константин Львович.

- Хорошо.

Он взял полотенце и вытер руки, я вдруг заметила, что у него мокрые виски, и осознала, что он тоже четыре часа не отходил от стола, и ему, наверное, было намного труднее, чем всем нам.

- Я сильно вас подвела? - спросила я и тут же пожалела.

Белов посмотрел на меня.

- Вы стояли лучше, чем я ожидал. И я уверен, вы единственная из ординаторов, кто за четыре часа ни разу не спросил, скоро ли конец. Вряд ли остальные бы столько выстояли.

У меня в глазах стояли слёзы, ничего не могла с этим поделать, и Белов, глядя на меня, вдруг вздохнул, и черты его лица словно смягчились.

- Вы молодец, Таисия. Если что, в операционной я резок со всеми и буду резок всегда, - добавил он, уже отворачиваясь. – Не принимайте на свой счёт, это не имеет к вам отношения.

Вчера в коридоре он сказал почти то же самое, и я снова не поняла, что именно он мне объясняет и зачем.

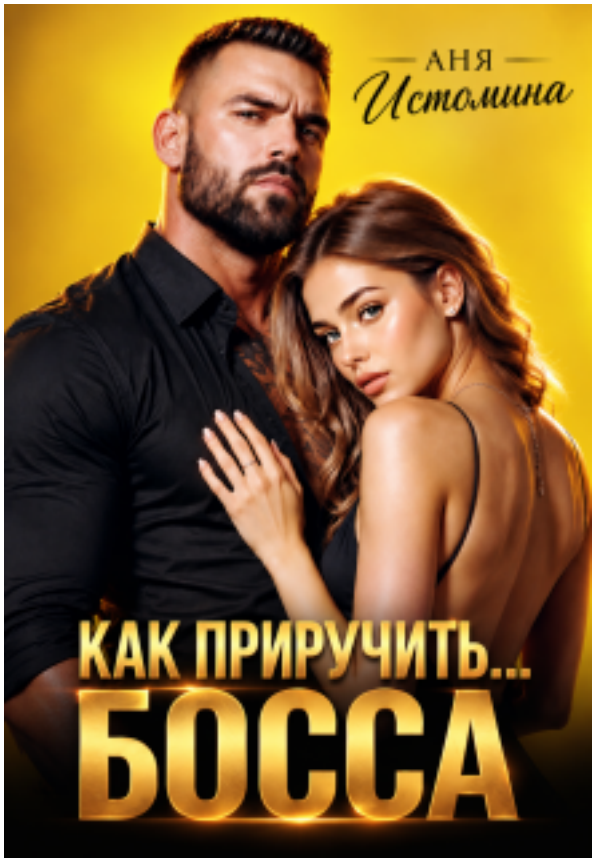
Константин Львович бросил полотенце в бак и пошёл к двери. У двери остановился.

- Ветлугина.

Я обернулась. Он смотрел не в глаза, а чуть выше, на мои распущенные волосы.

- Волосы соберите в отделении. Но вообще… вам идёт, когда вот так.

Дорогие читатели! Приглашаю заглянуть в новинку нашего литмоба!
Аня Истомина "Как приручить босса": https://litnet.com/shrt/GA8g

– Лев Андреевич, простите, – шепчу, неловко поднимая телефон связанными руками. – Я просто предупредить, что вам придется найти нового аудитора.

– Что, и ты рожаешь? – ядовито хмыкает босс.

У нас три сотрудника за короткий период ушло в декрет. Я – последняя, кто держится.

– Нет.

– А ты где вообще? И что это за дебильный наряд?

– В багажнике. Меня похитили.

Единственный человек, которому я умудрилась дозвониться в момент похищения – мой босс, с которым мы цапаемся каждый день.

Но когда дело дрянь, именно он велит скинуть геолокацию и обещает достать меня хоть с того света. И я уверена, что достанет, потому что именно я делаю его годовой отчет.

20 глава. Печатает...

Домой я добралась в начале девятого, и даже чтобы пережить подъем в лифте, мне пришлось прислониться к стенке. Этот день меня вымотал.

Свет в квартире горел везде. Разумеется, отец ждал меня и отчёта о моей первой операции. Он звонил мне пару раз за день, но мне некогда было говорить, о чём я ему и написала.

- Ну? - сказал он, не дав мне даже разуться.

- Пап, дай хоть куртку снять.

- Снимай и рассказывай.

- Андрей, дай ребёнку поесть сначала, - крикнула мама из кухни.

- Одно другому не мешает!

Я села за стол на кухне, мама поставила передо мной тарелку, и только тогда я поняла, что не ела с утра. И даже утром, можно сказать, не съела почти ничего.

Отца хватило ровно на две минуты моего молчания.

- Так что? Оперировали?

- Да. Было протезирование клапана, мужчина, шестьдесят три года.

- Кто ещё был в операционной?

- Оперировал Белов, Соболев первым ассистентом.

- А ты вторым.

- Да, я на крючках.

Дальше он выспрашивал подробности минут десять, и это было даже приятно, потому что впервые в жизни я могла отвечать ему на равных, как та, кто тоже участвовала в чём-то настолько значимом, как операция, от которой зависела человеческая жизнь.

Я рассказала, как останавливали сердце, что наконец-то смотрела, как всё это выглядит на самом деле, а не на картинках, и как в конце сердце не захотело запускаться обратно.

Отец слушал, кивал и что-то бормотал себе под нос, а потом отложил ложку.

- А теперь рассказывай то, о чём молчишь.

Я подняла на него глаза.

- В смысле?

- Тась, у тебя первая операция в жизни, а про себя ты не сказала ни слова.

На кухне стало очень тихо. Мама у раковины выключила воду.

- Я накосячила, - сказала я.

- Так…

- На третьем часу у меня отказала правая кисть. Крючок ушёл вниз, поле закрылось, и Белов на меня наругался.

- Когда у тебя перестали чувствоваться руки?

- Часа за полтора до этого.

Отец очень медленно откинулся на спинку стула.

- Полтора часа, значит, - повторил он.

- Пап...

- Я тебе утром что сказал?

Я приготовилась к разбору, который заслужила. Приготовилась к «я же говорил», к лекции и, честно говоря, к тому, что он будет прав, а я буду сидеть и корить себя.

- Ладно, - сказал он вместо этого и снова взял ложку. - Зато теперь запомнишь на всю жизнь.

- Это всё?

- А что мне, орать на тебя? На тебя уже поорали, судя по всему, и, между нами, правильно поорали. - Он помолчал. - Знаешь, кому ровно так же попало?

- Кому?

- Косте твоему.

Я застыла с вилкой в руке.

«Косте твоему» отец сказал наверняка совершенно без задней мысли, имея в виду просто моего куратора, а у меня почему-то дёрнулось что-то в районе солнечного сплетения.

- В смысле?

- В прямом. Первая его операция, я его тогда только-только под себя взял. Поставил вторым ассистентом на протезирование. Клапан, кстати, тоже.

- Тоже клапан?

- Тоже. - Отец усмехнулся. - И вот стоит он у меня три часа и молчит. Потом смотрю - а у меня ассистент зелёный. Не бледный, Тась, а именно зелёный, как обои в ординаторской, и качается.

Мама у раковины тихо засмеялась, будто это была смешная история, которую здесь рассказывали сто раз, а я почему-то ни разу не слышала.

- И что было?

- А что было, взял его за шиворот и вывел в предоперационную. Он там сел на пол у раковин, вот прямо на пол, и объявил мне, что он, наверное, в хирургии не вывезет.

- Он так сказал?

- Слово в слово. Сидит на полу, белый уже, и объясняет мне, что пойдёт в патологическую анатомию, потому что там спокойно.

Я представить это не могла. Человек, который сегодня четыре часа не отходил от стола, человек, при котором вся операционная замолкала, - и он сидел на полу, зелёный, и говорил, что уходит.

- И вот тогда я ему и сказал, - продолжил отец, - что молчащий ассистент опаснее криворукого. Если тебе плохо, говори вслух, а не через три часа.

Ложка выпала у меня из руки и звякнула о тарелку.

- Так вот откуда эта фраза! Сначала ты мне утром её сказал, а потом Белов сказал то же самое. Слово в слово.

Отец не удивился ни на секунду.

- Ну а откуда бы он это взял.

Легла я в половине одиннадцатого.

К часу ночи я успела полежать, встать, попить воды, снова лечь, перевернуть подушку прохладной стороной, полежать ещё и понять, что сон в эту ночь не предусмотрен. Плюша пришла, потопталась по моим ногам и улеглась поперёк одеяла с видом хозяйки.

И всё это время у меня в голове была одна и та же картинка: двадцатидвухлетний Белов сидит на полу в предоперационной и говорит моему отцу, что уходит в патанатомию.

Я взяла телефон, открыла социальную сеть и, как будто мне было пятнадцать лет, зашла на его страницу.

Десять дней назад Плюша отправила Белову запрос в друзья, он его принял. На этом всё, собственно, и закончилось. Я даже ни разу не открывала чат с ним.

А сейчас под его именем горело: в сети.

В час ночи он тоже не спал.

Я открыла чат.

Я закрыла чат.

Открыла его снова и напечатала: «Константин Львович, добрый вечер». Посмотрела на это и стёрла, потому что вечер закончился часа два назад.

«Константин Львович, извините, что так поздно».

Тоже стёрла. Извиняться заранее - значит уже признать, что делаешь глупость.

В итоге я написала то единственное, что не казалось глупым:

«Папа рассказал, что фразу про молчащего ассистента вы услышали от него. На своей первой операции».

И отправила, не дав себе времени подумать.

Ровно секунду я чувствовала какое-то внутреннее возбуждение, а потом посмотрела на отправленное сообщение и поняла, что со стороны это читалось так: я пришла домой и первым делом побежала обсуждать его с отцом.

Господи, ну какая же я дура.

Я сидела, соображая, можно ли удалить сообщение так, чтобы человек этого не заметил, когда под сообщением появилась отметка о прочтении. Делать что-либо теперь было уже поздно.

Отлично, Ветлугина. Просто отлично.

Я положила телефон экраном вниз и продержалась минуты четыре. И когда снова взяла телефон, оказалось, что от Константина Львовича уже пришёл ответ.

«Рассказал?»

Я вцепилась в телефон обеими руками.

Тася: «Да. Сказал, что вы даже собирались уйти в патанатомию».

К.Л. Белов: «Он до сих пор это помнит?»

Тася: «Помнит. Папа вообще помнит все чужие косяки. Мне до сих пор за все мои детские выкрутасы прилетает)».

К.Л. Белов: «Мне было двадцать два. Я отстоял три часа и молчал, что мне плохо, потому что был уверен: скажу - и меня больше никогда никуда не пустят в операционную».

Я перечитала это три раза.

Тася: «Я сегодня думала то же самое».

К.Л. Белов: «Я знаю».

Тася: «Поэтому вы мне сказали его фразу?»

К.Л. Белов: «Наверное.».

И всё. Никаких объяснений, точка, и опять непонятно, что мне с этим делать. Но следующее сообщение от Белова не заставило себя ждать.

К.Л. Белов: «Как ваши руки?» - написал он.

Тася: «Нормально».

К.Л. Белов: «Врёте».

Я улыбнулась в темноту.

Тася: «Немного трясутся до сих пор, если честно».

К.Л. Белов: «Подержите под тёплой водой и до утра старайтесь не поднимать выше плеч».

«Есть, доктор».

Мы оба молчали, наверное, минуту. Я лежала в темноте, Плюша сопела на одеяле, а я смотрела в окно нашего диалога. Напишет что-то ещё, или просто выйдет?

К.Л. Белов: «Идите спать, Таисия, завтра рабочий день», - написал он наконец.

Тася: «Не хочется».

К.Л. Белов: «Мне тоже».

Два слова, и я села в постели.

Мне тоже.

И вот тогда я, кажется, немного сошла с ума, потому что напечатала то, о чём весь день себе запрещала думать:

Тася: «Можно спросить?»

К.Л. Белов: «Спрашивайте».

Тася: «Вчера вы сказали, что причина, почему отстранили сначала от операции, не в моей работе, но не сказали, в чём. Я хочу знать».

Отправила.

Наверху, под его именем, появилось: печатает.

Я перестала дышать.

«Печатает» горело секунд десять и погасло. Потом появилось снова, погорело ещё немного и снова исчезло.

А потом экран сменился.

«Константин Белов. Входящий вызов».

Дорогие читатели! Классная новинка моба уже на сайте!

Зоя Астер "Беременная бывшая моего брата": https://litnet.com/shrt/hZhz

— Уговорите эту беременную девку съехать по-хорошему! — требует хозяин квартиры.

Беременная девка — это женщина моего брата, который погиб полгода назад. Я не знал, что он с кем-то жил. Тем более понятия не имел, что в оплаченной Амиром арендной квартире до сих пор кто-то находится.

Ещё вопрос, от кого она беременна…

Ладно. Разберёмся.

Если ребёнок от брата, то моя семья заберёт его на воспитание.

Так будет лучше для всех.

21 глава. Не стоило

Константин

Телефон гудел в руке.

Я посмотрел на экран, на её вопрос - «Я хочу знать» - и пытался придумать ответ, который не разрушит всё. Правду я сказать не мог, ведь правда была в том, что я увидел её с Крыловым и сорвался, как мальчишка. Правда была в том, что весь день потом не мог смотреть ей в глаза. Что в операционной, когда она сегодня стояла напротив, я на секунду забыл, где нахожусь.

Нет. Этого точно говорить не стоило.

Я нажал «позвонить».

- Алло? - Голос у Таси был тихий, немного испуганный. Правильно, час ночи, куратор звонит, с чего бы.

- Таисия, - сказал я. Получилось суше, чем хотелось. - Вы спросили про причину. Я отвечу, но давайте договоримся: этот разговор последний не в рабочем формате.

Пауза.

- В каком смысле последний?

- Я ваш куратор, вы мой ординатор. Переписываться со мной по ночам не стоит. Если у вас есть вопросы по работе - задавайте в рабочее время, я всегда на связи.

Она молчала, я слышал её дыхание.

- Но это вы позвонили, - сказала она наконец.

- Позвонил, чтобы ответить на вопрос, который вы задали. Причина, по которой я отстранил вас от операции, - моя несдержанность. Я увидел мелкий недочёт в выписке, придал ему слишком большое значение и повёл себя непрофессионально. Это была моя ошибка, не ваша. Вот и всё.

- Мелкий недочёт, - повторила она.

- Да. Вы хороший ординатор, вы справляетесь. То, что произошло на планёрке, не имеет к вам отношения. Забудьте.

Она опять молчала, и я почти физически чувствовал это молчание.

- Я вас поняла, - сказала она совсем другим голосом.

- Вот и отлично. Ложитесь спать, завтра рабочий день.

- Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, Таисия.

Я сбросил звонок и остался сидеть в темноте.

«Мелкий недочёт». Тридцать шесть лет, завотделением, и я только что наврал двадцатитрёхлетней девчонке. Но лучше так, лучше пусть думает, что я холодный болван, который срывается на подчинённых из-за всяких пустяков, чем знает правду. Потому что правда - это дорога в никуда. Я её куратор, в прошлом ученик её отца, я старше почти на пятнадцать лет, поэтому не имею никакого права.

Я открыл мессенджер. Наш диалог светился на экране - её «Можно спросить?», моё «Спрашивайте», и её вопрос, которого я испугался, как подросток.

Удалить переписку.

Палец завис над кнопкой. Я представил: завтра она зайдёт в диалог, и увидит пустой чат. Тем лучше.

Я нажал «удалить» и отбросил телефон. «Вы хороший ординатор». Хороший… Господи, какая чушь.

Я лёг, закрыл глаза. Где-то на другом конце города она сейчас тоже лежала и, наверное, думала, что я идиот. И правильно думала.

Таисия

Я положила телефон на тумбочку. Экран погас.

«Переписываться со мной по ночам не стоит».

Вот, значит, как. А что я ждала, собственно? Я попросила, он ответил. Просто ответ мне не понравился.

Я лежала в темноте и пыталась понять, чего я, собственно, ждала. Просто мне показалось, что между нами было что-то, помимо кураторства, и, наверное, я придала каким-то мелочам слишком большое значение.

Глупо. Глупо, глупо, глупо.

Плюша перевернулась на другой бок и пихнула меня лапой. Я погладила её и вдруг почувствовала, как к глазам подступали слёзы. Не от обиды даже, от неловкости. Я спросила человека о личном, а он поставил меня на место - корректно, вежливо, как и положено куратору. А теперь мне с ним ещё работать каждый день. Смотреть ему в глаза и помнить, что я сама написала ему посреди ночи, и он попросил меня больше так не делать.

Я перевернулась на бок, уткнулась лицом в подушку и заснула только под утро.

На следующий день я опоздала.

Не сильно, минут на семь, но для меня это было катастрофой, потому что я не опаздывала никогда. Всю дорогу до больницы я прокручивала в голове встречу с Беловым. Как зайду в отделение, как он поднимет глаза, как я скажу «доброе утро», и что будет дальше.

Ничего не было.

Белов прошёл мимо меня в коридоре, кивнул - ровно так же, как и всем остальным, - и скрылся в своём кабинете. Никакого особого взгляда, никакой неловкости. Как будто ночного звонка и нашего разговора до этого не существовало.

В обед меня нашёл Илья.

- Слушай, - сказал он, усаживаясь рядом в буфете. Вид у него был решительный. - Я тут подумал... В пятницу в баре ребята опять собираются. Машка будет, Соколова, я. Пойдёшь?

- Я не…

- Вообще, я хотел не это спросить: может, до пятницы мы вдвоём куда-нибудь сходим? Не как друзья.

Я смотрела на него. Хороший, весёлый, молодой. Без закидонов, типа «не пиши мне» и «давайте договоримся».

- Ну? - Илья нервно улыбнулся. - Скажи хоть что-нибудь.

А что мне было говорить? Вчера ночью я полчаса ждала сообщения от человека, который потом попросил меня ему не писать. Сама себе напридумывала невесть что и теперь чувствовала себя полной дурой. Я устала ждать того, чего нет и быть не может. Поэтому…

- Давай, - сказала я.

- В смысле - давай?

- Сходим куда-нибудь, до пятницы. Я согласна.

Илья просиял так, что мне стало почти стыдно.

После обеда была летучка, которую перенесли с утра. Белов стоял у доски и разбирал вчерашнюю операцию. Говорил чётко, по делу. Отметил Соболева, бригаду, потом посмотрел на меня:

- Ветлугина, для первого раза на крючках – хорошо, но руки надо тренировать. Это всех ординаторов касается, кстати. Добавьте эспандер в ежедневный режим.

- Хорошо, Константин Львович.

Он перевёл взгляд, и всё. Весь разговор.

А вечером, когда я уже переодевалась, чтобы идти домой, в раздевалку заглянула Маша.

- Как день прошёл?

- Да нормально…

- А выглядишь так, будто кошку похоронила.

- Спала плохо сегодня.

- Ага. - Маша прищурилась. - Илья сказал, ты с ним на свидание идёшь?

- Уже всем растрепал?

- А как же. – Хихикнула Маша, - Довольный такой ходит...

Я вздохнула и застегнула куртку. Маша ещё что-то говорила - про то, какой Илья классный и как она за нас рада, - но я уже не слушала. Я думала о том, что сегодня Белов вёл себя ровно так, как и должен вести себя куратор. Разговаривал со мной исключительно по делу, смотрел соответственно.

Наверное, он считает меня малолетней дурочкой. И правильно, такая я и есть. Хорошо, что согласилась на предложение Ильи. Может, это отвлечёт меня от всех этих странных мыслей…

22 глава. Не выдержал

Константин

Всё вышло из-под контроля примерно в полдень. Я шёл по коридору в ординаторскую, когда услышал из-за приоткрытой двери голос Соколовой:

- Никитина, ты слышала? Таська с Ильёй сегодня на свидание идут!

- Да ладно! Наконец-то, я уж думала, он никогда не решится.

- Ага, в ресторан куда-то ведёт. Сказал, после смены забежит цветы купит...

Я остановился ровно на секунду, а потом заставил себя пройти мимо, будто ничего не слышал.

В кабинете закрыл дверь и встал у окна. За стеклом моросил дождь, противный, мелкий, как просеянная мука.

«Таська с Ильёй на свидание идут».

Ну и отлично. Крылов - её ровесник, в медицине, всё понимает, весёлый парень.

А я? Я тридцатишестилетний завотделением, который ночью сам попросил её больше ему не писать. Я ведь сам всё сделал, своими руками. Чего я теперь ждал?

Господи, какой же я дурак.

Я простоял у окна минут десять, потом сел за стол и разложил истории болезней. Работа не шла, перед глазами стояла картинка: она, в каком-нибудь платье, не в белом халате, а в обычном, человеческом, улыбается Крылову.

К обеду я окончательно понял, что сегодня из меня работник никакой. На обходе был резок - не со зла, а потому что всё валилось из рук.

Вечером, когда отделение опустело, я всё ещё сидел в кабинете. Тася, наверное, уже была на свидании…

Телефон лежал на столе, я смотрел на него и думал: может написать? Что угодно, по работе. Спросить, готова ли история по вчерашнему пациенту. Вспомнить, что в четверг у неё дежурство и надо бы уточнить график.

Но я сам сказал: *«Переписываться со мной по ночам не стоит»*, и сам удалил переписку.

Таисия

Илья встретил меня после смены с букетом: белыми альстромериями, скромными и аккуратными. Стоял у входа в больницу, переминался с ноги на ногу, и уши у него покраснели от волнения.

- Это тебе, - сказал он, протянув мне цветы.

- Спасибо, очень красивые.

- Я волновался, что не угадаю.

- Угадал.

Ресторан он выбрал хороший - тихий, с тёплым светом и живой музыкой где-то в глубине зала. Когда только успел забронировать тут столик? Хотя, возможно, в будний день особого ажиотажа не было.

Илья заказал местный лимонад в качестве напитка для нас, себе что-то из горячего, мне - то, что я выбрала. Он рассказывал про институт, смешные истории с практики. Я честно смеялась, потому что он и правда умел хорошо рассказывать.

Но где-то внутри, как заноза, всё время сидела мысль про Белова.

Интересно, что он сейчас делал? Может, снова встречался с этой своей, которая тогда к нему заходила? А как он отреагировал бы, если бы узнал, что я сйчас сидела на свидании? Наверное, ему было абсолютно всё равно. Какая разница заведующему отделенем была до того, кто с кем встречался из ординаторов?

И от этих мыслей мне становилось нехорошо. Особенно из-за того, что я сидела с хорошим парнем, который старался для меня, а думала о человеке, который попросил меня больше ему не писать.

- Тась, - Илья вдруг накрыл мою руку своей. - Ты меня слушаешь?

- Конечно, - я улыбнулась. - Просто устала сегодня.

- Понимаю. - Он не убрал руку. - Знаешь, я... Я очень рад, что ты согласилась.

- Я тоже рада.

Врала я отвратительно. Илья проводил меня до дома, у подъезда остановился, всё ещё держа меня за руку.

- Может, повторим как-нибудь?

- Может, - сказала я, и тут же пожалела.

- Спокойной ночи, Тась.

- Спокойной.

Он наклонился и поцеловал меня в щёку - быстро, по-мальчишески. И ушёл, обернувшись на ходу, сияющий, довольный.

А я стояла у подъезда с букетом в руках и чувствовала себя последней сволочью.

Дома папа сидел на кухне один, мама уже ушла спать, похоже. Я зашла, поставила цветы в вазу, налила воды.

- Ого, - сказал он. - Откуда такая красота?

- На свидание ходила. – Чуть покраснела я. Говорить о подобном с родителями всегда было неловко, но не врать же…

- С кем?

- С Ильёй, ординатор из нашего отделения.

Папа кивнул и ничего не спросил. Только смотрел на меня поверх очков, и под этим взглядом мне хотелось провалиться сквозь пол.

- Хороший парень? - спросил он наконец.

- Хороший.

- Ну и славно.

Я ушла в свою комнату, закрыла дверь, легла на кровать, и уставилась в потолок.

Славно. Вот и весь разговор.

Телефон пиликнул. Я дёрнулась, схватила его. Наверняка Илья - напишет «спасибо за вечер» или что-нибудь такое, и мне придётся отвечать, посылать улыбающиеся эмодзи и делать вид, что всё хорошо.

Но это был не Илья.

На экране высветилось сообщение от Константина Львовича Белова.

К.Л. Белов: «Таисия, завтра у вас дежурство в ночь. Подтвердите, что ознакомились с графиком».

Я смотрела на экран, и внутри у меня всё переворачивалось.

Он написал. После «переписываться со мной по ночам не стоит», после удалённой переписки.

Я вспомнила его голос: «Если у вас есть вопросы по работе - задавайте в рабочее время». Значит, и я буду отвечать в рабочее время.

Заблокировала телефон и положила его на тумбочку экраном вниз.

Вы же сами сказали, никаких переписок в нерабочее время. Вот и не будем переписываться.

Я лежала в темноте и улыбалась - сама не знаю чему. Наверное, тому, что он написал, а, может, тому, что я не ответила.

Дорогие читатели! Финальная книга нашего литмоба!

Женя Громова "Под защитой офицера": https://litnet.com/shrt/T7aU

— Заходите быстрее — холодно! — жгучая брюнетка распахнула дверь шире. — Я вас позже ждала. Извините за внешний вид. Стиралка в ванной. Инструменты там же.

Не понял. Она меня за сантехника приняла?

В пиджаке и брюках?

Под мою охрану определили ассистентку гениального инженера, за разработками которого охотятся и конкуренты из крупных компаний, и зарубежная разведка.

Задача простая: быть рядом. Не спускать с неё глаз. В случае опасности — спасти любой ценой.

Вот только никто не предупредил меня, что Марина Калинина — моя первая школьная любовь. Та самая девчонка, из-за которой я когда-то потерял голову.

Защитить её от врагов я смогу.

Осталось понять, как защитить её от меня.

23 глава. Сутки

Константин

Утро началось с того, что я проснулся за полчаса до будильника. Полежал, глядя в потолок, проверил телефон.

Сообщение было прочитанным, две синие галочки... и ничего в ответ.

Я отложил телефон и пошёл умываться. В ванной плескал в лицо холодной водой, а сам прокручивал в голове: «Ознакомилась с графиком дежурств» - всего три слова, что сложного? За завтраком снова проверил - ничего. В машине на светофоре - ничего. Уже подходя к отделению - ничего.

Может, прочитала и забыла ответить? Или телефон сел. А может, просто не захотела отвечать.

Последний вариант казался самым вероятным, и самым неприятным.

На планёрке я нашёл Тасю глазами сразу. Сидела на своём обычном месте, с краю, волосы убраны в пучок, халат свежевыглаженный, в руках - блокнот и ручка. Ровная спина, внимательный взгляд, ничего необычного. Никаких следов позавчерашнего разговора - как будто и не было ни моего ночного звонка, ни её вопроса, ни моего дурацкого «не пиши мне».

Я отвёл глаза, пока меня не застали за разглядыванием моего ординатора.

Планёрку провёл на автомате. Раздал назначения, выслушал Соболева, что-то сказал Крылову. Интересно, как прошло их свидание? Впрочем, какое мне дело.

После планёрки вышел в коридор и уткнулся взглядом ей в спину - Тася шла в сторону ординаторской с кипой бумаг.

- Ветлугина, - окликнул я. - На пару слов.

Она остановилась. Развернулась спокойно, посмотрела на меня без тени волнения:

- Да, Константин Львович?

- Вы получили моё сообщение вчера по поводу того, что сегодня не дневная смена, а сутки?

- Получила.

- Почему не подтвердили?

Вот тут она подняла глаза. Спокойный, ровный взгляд - ни обиды, ни страха. Я не мог понять, что стоит за этим взглядом, и от этого было только хуже. То ли ей всё равно, то ли она просто чётко соблюдает мои же правила. И неизвестно, какой вариант бесил меня сильнее.

- Вы же сами сказали: все рабочие вопросы - в рабочее время. Сейчас рабочее время, кстати, так что… Да, я ознакомилась с графиком дежурств ещё вчера.

Я открыл рот.

И закрыл.

Мои собственные слова. Она вернула их мне, и мне нечего было возразить.

- Хорошо, - выдавил я.

Она кивнула, развернулась и пошла дальше по коридору. Спина прямая, шаг ровный. Я смотрел, как белый халат мелькает в толпе других халатов, пока она не скрылась за поворотом.

Она меня сделала. И ведь не придерёшься - всё по правилам. Я сам провёл черту, и она просто осталась по другую сторону, как я и просил. Только вот я понятия не имел, что теперь было с этим делать.

Таисия

На суточное дежурство я заступила в восемь утра.

Когда приехала, первым делом переоделась, заглянула в ординаторскую, хотя руки так и чесались написать ответ Белову не дожидаясь планёрки. Но я выждала время, как и хотела, и

по итогу осталась собой довольна. Особенно когда увидела его лицо в коридоре - он явно не ожидал, что я использую против него его же оружие. Маленькая, но сладкая победа.

Днём всё было спокойно. Писала выписки, носила анализы, помогала медсёстрам с документацией. В перерывах между делами ловила себя на том, что все мысли всё равно возвращаются к одному и тому же человеку. Это раздражало. Я злилась на себя за то, что даже теперь не могла выкинуть его из головы, и ещё больше - за то, что где-то глубоко внутри мне этого и не хотелось.

В обед меня нашёл Илья.

- Тась, слушай, в пятницу народ собирается в «Маяк». Машка будет, Соколова, пацаны с терапии обещали подтянуться. Пойдёшь?

Я на секунду задумалась. Это же было не свидание, просто бар, и меня впервые принимала компания таких же как я, в данном случае ординаторов. Отказываться было бы глупо.

- Пойду. Во сколько?

- В восемь. - Он просиял. - Я тебе напишу.

- Договорились.

И убежал, а я вернулась к историям - дел было много, и это помогало поменьше думать не о том.

К вечеру отделение опустело. Дневная смена разошлась, ночные медсёстры заняли пост. Я сидела в ординаторской, где горела только настольная лампа. Остальная комната тонула в серых сумерках, за окном моросил дождь, и в тишине каждый звук отдавался гулким эхом. Разбирала истории, нужно было подготовить несколько выписок.

Дверь открылась, на пороге стоял Белов.

Почему-то без халата, в тёмно-сером свитере с высоким воротом, рукава закатаны до локтей. В одной руке - кружка с кофе, в другой - какая-то папка. Я невольно отметила, что никогда не видела его на работе таким... домашним, что ли.

- Не помешаю? - спросил он.

- Нет, конечно.

Он прошёл и сел напротив - не за дальний конец стола, а ровно напротив меня. Открыл папку, сделал глоток из кружки, пробежал глазами по бумагам.

Я смотрела на него поверх истории болезни и думала: у него ведь есть кабинет. Свой собственный кабинет с диваном, чайником и нормальным светом. Он мог бы сидеть там, в тишине и покое, но вместо этого пришёл сюда. Зачем?

Он вдруг поднял глаза, наши взгляды встретились.

Белов смотрел спокойно, прямо, без какого-либо вызова, я смотрела в ответ, взгляд не отводила, хоть и очень хотелось. Сердце стучало где-то в горле.

- Как первое дежурство? - спросил он негромко.

- Пока тихо.

- Это ненадолго. Ночью обычно что-то обязательно случается.

За окном моросил дождь, на посту медсестра с кем-то негромко переговаривалась по телефону, а здесь, в круге света от одной лампы, были только мы вдвоём. И странная, звенящая тишина между нами.

До утра было ещё семь часов, и я даже предположить не могла, чем закончится моя первая суточная смена…

24 глава. Пока все спят

Константин

После одиннадцати в отделении стало совсем тихо.

Дневная суета давно улеглась: анализы сданы, назначения розданы, последние посетители ушли, и даже медсёстры на посту переговаривались вполголоса, чтобы не нарушать ночной покой.

Я обошёл палаты - всё спокойно, пациенты спали, капельницы мерно капали в такт дождю за окном. В коридорах горел приглушённый ночной свет, и длинные ряды дверей уходили в полумрак, как в бесконечность.

На посту дежурила Вера Павловна - пожилая медсестра, которая работала здесь ещё до меня, пересидела трёх заведующих и иногда казалось, что была профессиональнее любого врача отделения. Увидев меня, она кивнула:

- Тихо всё, Константин Львович. Можете отдохнуть пока.

- Хорошо. Если что - я в ординаторской.

- Посидите хоть немного, - она усмехнулась. - В кои-то веки спокойная ночь, а вы всё ходите, людей пугаете.

Я хмыкнул и пошёл дальше по коридору. Вера Павловна была права: когда на этаже тихо, я всё равно не мог усидеть на месте. Слишком много лет в режиме «всегда наготове» выработали привычку проверять, перепроверять, держать руку на пульсе. Даже когда пульс был ровным.

Сквозь матовое рифлёное стекло в двери было видно, что в ординаторской всё ещё горела лишь лампа над столом Ветлугиной. Я подошёл к двери, взялся за ручку, приоткрыл - и замер на пороге.

Тася спала.

Голова лежала на сложенных руках, прямо поверх разложенных историй болезни. Страницы одной из них чуть сбились в сторону - видимо, заснула прямо на полуслове, выписывая назначения или готовя выписку. Спина расслаблена, плечи опущены - совсем не та прямая, напряжённая струна, которую я привык видеть на планёрках и обходах. Волосы выбились из пучка и рассыпались по бумагам светлыми прядями. Настольная лампа бросала на её лицо мягкий жёлтый свет, оставляя остальную комнату в густом полумраке.

Я застыл. В дверях, с рукой на ручке, забыв, зачем вообще сюда шёл.

Спящая Тася выглядела совсем иначе, чем та, которую я видел каждый день. Ушла куда-то собранность, напряжение, вечная готовность ответить на любой твой вопрос или замечание. Осталась просто молодая девушка - уставшая, беззащитная, и непозволительно красивая. Очень красивая. Со слегка приоткрытыми губами, с лёгким румянцем на щеках, с ресницами, которые чуть подрагивали во сне.

Я не знаю, сколько я так простоял - минуту, две, может, пять. Время перестало иметь значение. Я просто стоял и смотрел.

Всё то, чем я обычно отгораживался даже от мыслей о ней - субординация, правила, «я друг её отца», «я намного старше», - всё это вдруг отступило куда-то в тень, растворилось в тишине ночного отделения. Осталась только она и я.

Я прокручивал в голове последние дни. Как убрал её с операции из-за Крылова - дурак. Как высказал ей замечание при всех на планёрке - дважды дурак. Как сказал «не пишите мне» - трижды. Как написал ей про график и ждал ответа, как мальчишка, а она не ответила - и была права. Всё правильно. Она всегда всё делала правильно, а я всё делал не так.

И вот она спала за столом, во время своего первого суточного дежурства, уставшая после рабочего дня, а я стоял в дверях и понимал, что уже не мог делать вид, будто ничего не происходит.

Тася вдруг вздрогнула. Чуть-чуть - то ли холодом потянуло от окна, то ли что-то неспокойное приснилось. Поёжилась во сне, не просыпаясь, повела плечами, будто ища тепло.

Я сдёрнул с плеч кардиган - старый больничный, тёмно-синий, который всегда висел у меня в кабинете на случай, если в отделении вдруг окажется холоднее, чем я ожидал, одеваясь на работу. Сделал шаг в комнату, потом ещё один - тихо, почти бесшумно.

Подошёл к столу. Помедлил секунду, глядя на неё сверху. Осторожно, стараясь не разбудить, накинул кардиган ей на плечи.

Пальцы, наверное, чуть задели прядь волос у виска, или она почувствовала тепло… А, может, просто сон был поверхностный, но она открыла глаза.

В первую секунду в её взгляде была растерянность. Сонными глазами она блуждала по ординаторской, не понимая, где она и что происходит. Потом наткнулась на меня, нахмурилась, пытаясь осознать что к чему.

- Константин Львович...? - голос хриплый, тихий, с вопросительной интонацией.

- Вы замёрзли, - сказал я.

Голос получился словно чужим - низким, глухим. Собственный пульс я слышал отчётливее, чем слова.

Она выпрямилась, потянулась, и кардиган чуть сполз с одного плеча. Посмотрела на него, потом подняла глаза на меня.

В этот момент я должен был отойти. Сделать шаг назад, сказать что-нибудь касающееся работы, или просто что-то типа «Таисия Андреевна, здесь же диван стоит, вы можете прилечь». Сделать то, что делал всегда, - отступить, сохранить дистанцию.

Но я не двинулся с места.

В круге жёлтого света от одной-единственной лампы она сидела и смотрела на меня - заспанная, слегка растрёпанная, с отпечатком рукава на щеке, в моём старом кардигане, который был ей очень большой…

Я наклонился. Медленно - давая ей время отстраниться, отвернуться, сказать «нет». Давая себе последний шанс остановиться.

Дотронулся почти невесомо до её скулы, проскользив по ней пальцем к подбородку. Заправил выбившуюся прядь волос за ухо.

Тася сглотнула взволнованно, но не отстранилась.

И я её поцеловал.

25 глава. Не время и не место

Таисия

Он меня поцеловал.

Эта мысль пульсировала где-то на границе сознания - громкая, даже оглушительная, невероятная. Я не успела ничего понять, ничего обдумать - просто замерла на секунду, а потом... потом ответила.

Его губы были совсем не такими, какими я их представляла. От него пахло кофе и чем-то ещё - наверное, просто им самим. Пальцы, которые только что касались моей скулы, теперь скользнули по шее, зарылись в волосы, и я забыла, как дышать. Вообще всё забыла - где я, кто я, почему это неправильно и невозможно.

Кардиган окончательно сполз с плеча, но мне было совсем не холодно.

А потом в коридоре раздались шаги.

Белов отстранился первым. Быстро, резко, будто обжёгся. Я увидела его глаза - в жёлтом свете лампы они казались почти чёрными, расширенные зрачки, сбитое дыхание. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел.

Дверь приоткрылась, и в ординаторскую заглянула Вера Павловна.

- Константин Львович, - она перевела взгляд с него на меня так быстро, что я не успела даже сделать вид, что читаю историю болезни. - Там в третьей палате у пациентки давление упало.

Белов выпрямился мгновенно. Секунда - и передо мной снова стоял заведующий отделением: собранный, никаких следов того, что минуту назад он целовал своего ординатора.

- Иду, - сказал он Вере Павловне. И уже в дверях бросил мне, не оборачиваясь: - Ветлугина, пока свободны.

И ушёл.

Я осталась сидеть за столом, прижимая пальцы к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.